

П. Э. АЛЕКСЕЕВА

ПРИНЦЕССА НИРДЖИДМА
И КНИГА ПЕСЕН ТОРГУТОВ КИТАЯ

П.Э. Алексеева

**ПРИНЦЕССА НИРДЖИДМА
И КНИГА ПЕСЕН
ТОРГУТОВ КИТАЯ**

**ЭЛИСТА
2009**

ББК 80/84

П 767

П 767 **Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая [Текст] / Автор-составитель П. Э. Алексеева. – ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. – 87 с.**

В издании повествуется о принцессе Нирджидме (1907 – 1983) и книге песен торгутов Китая, изданной в Париже в 1937 г., а также о деятельности известного торгутского принца Палты Ванга (1882 – 1920).

Сведения о принцессе Нирджидме и ее отце – принце Палта Ванге, а также образцы песенного творчества, представленные в данном издании, представляют интерес для научных работников, специалистов образовательных учреждений и читателей, интересующихся проблемами истории и культуры калмыцкого народа.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

До начала 90-х годов прошлого столетия в нашей республике какие-либо конкретные сведения о судьбе калмыков, ушедших в 1771 году в Джунгарию, не были известны. В 1990 году в Элисте, в рамках празднования 550-летия калмыцкого народного эпоса, проводилась международная научная конференция ««Джангар» и проблемы эпического творчества». Один из участников конференции профессор из Америки Дж. Крюгер, занимающийся изучением письменных памятников на «ясном письме», сообщил о существовании сборника калмыцких песен, изданных в 1937 году в Париже. Восемнадцать народных песен, которые были собраны и напеты торгутской княжной Нирджидмой, были опубликованы на «ясном письме» с приложением транслитерации текста, нотного сопровождения и комментария.

Социально-экономические и политические перемены в стране позволили в начале 1990-х гг. установить контакты с дальними сородичами из Синьцзяна. Стали налаживаться научное сотрудничество, обмен литературой, постепенно расширялись сведения и о самой княжне Нирджидме – одной из ярких и талантливых представительниц синьцзянских торгутов прошлого столетия. Данное издание подготовлено с целью ознакомления читателей с устным наследием синьцзянских торгутов, с жизнью и деятельностью Нирджидмы, с надеждой на дальнейшие исследования в области истории и культуры единого народа, волею судеб разделенных на волжских и синьцзянских. Автор-составитель выражает благодарность за оказанные помощь и поддержку американским ученым – профессору А. Борманджинову и профессору Дж.

Крюгеру, а также коллегам Б. Бичееву, А. Баяновой и А. Бабаеву. Искреннюю признательность выражает Михалева Т. А. за помощь в редактировании текста и Э. Дорджиеву за компьютерный набор нотных записей, что имеет весьма ценное значение для данного издания.

П. Алексеева,
*главный библиограф КИГИ РАН,
заслуженный работник культуры
Республики Калмыкия*

ПРИНЦЕССА НИРДЖИДМА И КНИГА ПЕСЕН ТОРГУТОВ КИТАЯ

В историко-литературных памятниках волжских ойратов встречаются имена известных женщин, прославившихся своей мудростью, благородными деяниями и глубокой религиозностью. В социокультурной системе традиционного ойратского общества, женщина обладала определенными правами, в отличие от других монгольских и немонгольских народов Центральной Азии. Если муж долго отсутствовал, к примеру, находясь в ратном походе, она могла самостоятельно принимать решения по важным хозяйственным и иным вопросам.

И. Фишер в «Истории Сибири» пишет, что русский посол Ильин, прибыв в Джунгарию, не застал в ставке Эрдени Баатур-хунтайджия, поскольку тот находился в военном походе. Тем не менее, Ильин был принят с оказанием ему всех почестей, причитающихся послу иностранной державы, старшей супругой правителя Джунгарии – Юм Агасхатун. Дочь торгутского тайши Хо-Орлюка, мать правителя Джунгарии Галдан Бошокту-хана, она известна еще и тем, что после смерти мужа Эрдени Баатур-хунтайджия приняла обеты мирянки-убасанцы, которых строго придерживалась вплоть до своей кончины.

Другой не менее известной личностью прошлого была Гунгчу-хатун, мать хошутского Цэцэн-хана, прославившаяся своей набожностью и строгостью в соблюдении обетов. Она неоднократно совершала паломничество в Тибет. После ее смерти Цэцэн-хан лично отправился в Тибет, чтобы отслужить молебен по матери, а по возвращении оттуда передал Большому ойратскому монастырю все

имущество, принадлежавшее ей. В память о Гунгчжу-хатун 100 мальчиков были посвящены в духовное звание, 50 из них были отданы на обучение в монастырь, настоятелем которого был известный ойратский просветитель и религиозный деятель Зая-пандита.

Сайханчжу-хатун, мать хошутского Аблай-тайши, прославилась своим умом и мудростью. Г.С. Лыткин полагает, что знаменитый буддийский монастырь Аблайн-кит, развалины которого сохранились недалеко от г. Усть-Каменогорска, своим существованием «обязан ее мысли, которую Аблай, сын ее, привел в исполнение». Раднабхадра, биограф Зая-пандиты, оставил письменное свидетельство о том, что Сайханчжу-хатун обладала философским складом ума и определенным поэтическим даром.

Сулумца-хатун (Пунцук Ролма), жена хошеутовского владельца Цецен-хана, мать выдьющегося ойратского полководца Галдамы, известна тем, что награждала сподвижников своего сына, отличившихся ратными подвигами, рыцарскими одежаниями и оружием. В 1664 году вместе со своим знаменитым сыном она приезжала на поклонение скульптурному изображению Майтрейи, доставленному из Тибета в Джунгарию.

Ечжи Цаган, жена дербетовского тайши Тойна, мать знаменитого дербетского тайши Малай Батыра, также прославилась своей набожностью и строгостью в соблюдении обетов. Летом 1662 года, возвращаясь из Тибета, она с большим почтением приняла Зая-пандиту, который направлялся на встречу с Далай-ламой.¹

По свидетельству исследователей, отличительной чертой женщины-калмычки была «страстная любовь к детям, преданность своей семье, своему очагу, привязанность к мужу...».² Автор ойратского письменного памятника «История Усунь Дебескертү-хана» выделяет пятнадцать признаков, присущих высоко нравственной женщине высшего сословия, и восемь признаков, присущих высоко нравственной женщине среднего сословия.³ Одной из таких женщин, отвечавшей традиционным этнокультурным представлениям,

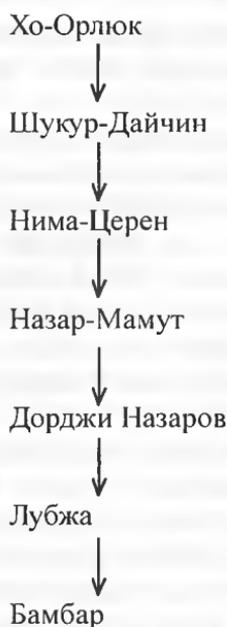
¹ Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. – С. 410 – 416.

² Прозрителев Г. Военное прошлое наших калмык. – Ставрополь, 1912. – С. 8.

³ Усн Девскрт хана тууж оршв // Бичеев Б.А. Этнообразующие доминанты духовной культуры западных монголов (ойратов). – Элиста: КалмГУ, 2003. – С. 117 – 134.

была торгутская принцесса Нирджидма, имевшая европейское образование, происходившая от рода торгутского нойона Бамбара, потомка правителя волжских калмыков Хо-Орлюка по линии его сына Шукур-Дайчина. Бамбар нойон был одним из ближайших сподвижников Убаши-хана, инициировавшего уход калмыков с берегов Волги в Джунгарию в 1771 году.

Схема его родословной, по данным профессора А. Борманджинова, выглядит следующим образом:

Уже в Синьцзяне род торгутских нойонов по линии нойона Бамбара продолжили:

У Байир-Ванга было два сына: Палта Ванг (1882 – 1920) и Томорджин (? – 1912).

У Палты Ванга было четверо детей: сын Минджур-Доржи-Ванг (1903 – 1975), дочери Нирджидма (1907 – 1983) и Сертсо (1913 – 1930), сын Церен Дорджи (1914 – ?).

Принцесса Нирджидма родилась в то время, когда ее отец Палта Ванг учился в Японии, в одном из военных учебных заведений. Финский ученый Г. И. Рамстедт (1873 – 1950), который совершил поездку по Монголии в 1908 году, утверждает, что матерью Нирджидмы была японка или китаянка.² Однако имеются сведения (правда, неподтвержденные) о том, что ее матерью была синьцзянская хошутка, на которой Палта Ванг женился по настоянию родителей. Об этом сообщала Дева-Нимбо – дочь Минджур-Доржи-Ванга, проживавшая в Америке.

Палта Ванг имел чин генерала и проживал в Пекине. Его старший сын – Минджур-Доржи-Ванг – учился в России, в военной школе. Но как только здесь началась гражданская война, он вернулся в Пекин. В 1949 году судьба забросила его на Тайвань, где он и умер в 1975 году. Другой сын Палты Ванга – Церен-Доржи – учился в Германии, однако незадолго до начала второй мировой войны вернулся в Синьцзян.

Палта Ванг некоторое время занимал пост губернатора в новом Алтайском округе. В период его управления позиции России в этом регионе значительно укрепились, и она стала оказывать большое влияние на сопредельные с русским Алтаем территории. Вследствие

¹ Bormanshinov A. Prince Palta // Proceedings of the International Conference on China Border Area Studies. April, 1985, Taipei. Reprinted from. P. 1018.

² Ramstedt G.J. Seven Journeys Eastward. 1898 – 1912. Among the Chermis, Kalmuks, Mongols and in Turkestan and to Afghanistan. The Mongolia Society, 1978. Bloomington, Indiana.

этого, по некоторым данным, у Палты Ванга обострились отношения с губернатором Синьцзяна, обвинявшим его в прорусской ориентации. Китайские власти возбудили против него уголовное дело за растрату казенных денег. Палта Ванг был вынужден подать прошение об отставке и выехать в Пекин.¹

Согласно другим сведениям, русский консул в Шара-Сумэ М. Кузьминский обращался к правительству России с ходатайством о награждении Палты Ванга орденом Святого Станислава 2-й степени за укрепление российского влияния в Алтайском округе.² Вместе с тем, имеется письменное донесение русского консула А. Успенского, в котором Палта Ванг наделяется довольно нелицеприятной характеристикой: «Не польза государства, на службе которой он находится, не симпатии к России или преданность республике, не благодарность к Юань Шикаю... и даже не честолюбие в широком смысле этого слова, а личная материальная выгода является основой деятельности князя Палта».³

Принцесса Нирджидма образование получила в Пекине. Она изучала иностранные языки, живо интересовалась устным творчеством своего народа. К тому же сама была прекрасной исполнительницей народных песен. В начале 1930-х годов Нирджидма приехала в Европу для получения медицинского образования. Жила и училась она в Бельгии. Ей было всего 25 лет. Она была умна, красива и обаятельна. Именно в этот период состоялось ее знакомство с представителями калмыцкой эмиграции.

Посещение принцессой Нирджидмой калмыцкой колонии в Европе ее членами было воспринято как факт установления духовной связи с братьями по крови. 6 августа 1933 года принцесса Нирджидма в Париже была принята руководящим составом калмыцкой национально-политической организации «Хальмг Таңһин

¹ По архивным данным, Палта Ванг был отстранен от должности правителя округа в начале января 1914 г. В сопровождении 30 китайских чиновников он покинул Шара-Сумэ и выехал в Пекин. Вскоре после приезда в столицу был обвинен в растрате казенных средств и арестован. – АВГР. – Ф. Китайский стол. – Д. 640. – Л. 4, 33.

² Белов А. Царская Россия и Западная Монголия в 1912 – 1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – № 1. – С. 101 – 105.

³ Архив внешней политики России. – Ф. Китайский стол. – Д. 639. – Л. 45 об.

Туг». Возглавлял ее Шамба Балинов, советниками его являлись известный евразиец Эренджен Хара-Даван и Санджи Степанов, а главным секретарем организации – писатель Санджи Балыков. Во время этой встречи принцесса Нирджидма призналась, что не знала о существовании калмыцкой эмиграции в Европе и подчеркнула, что ее визит в калмыцкую колонию носит частный характер, что совершает она его согласно установившейся издревле традиции своего народа – посещать родственников.

Калмыцкая эмиграция все годы своего пребывания в Европе всячески стремилась найти возможность обрести прибежище в буддистских странах Востока. Интерес калмыков к соплеменникам, проживавшим в Западной Монголии и Китае, существовал всегда, еще со времени перехода их предков с исторической родины в пределы Российской империи. И если в период существования Калмыцкого ханства на Волге и Джунгарского ханства в Центральной Азии связь с соплеменниками поддерживалась постоянно, то после известных исторических событий 1757 и 1771 годов она была прервана почти на полтора столетия. И лишь к концу XIX века первые калмыцкие путешественники – буддийский монах Бааза-бакши и зайсанг Леджин Арлуев – сумели достичь земли предков. По всей видимости, на встрече с принцессой Нирджидмой, речь шла и о возможности переселения калмыцкой эмиграции в Китай. Во всяком случае, известно, что Нирджидма информировала собравшихся о современном положении торгутов Китая. Это сообщение, сделанное ею на калмыцком языке, было переведено на русский язык и опубликовано в журнале «Цаган өвсни дольган» («Ковыльные волны»)¹. Она рассказала о мирной и тихой жизни карашарских торгутов, никак не связанной с политическими и национальными вопросами, тем самым давая собеседникам ясно понять, что этот вопрос не имеет шансов на практическое разрешение.

Как отмечают исследователи, в силу своего географического расположения, Синьцзян фактически находился на положении авто-

¹ Принцесса Нирджидма Торгутская. О современном положении торгутов Китая (Перевод с калмыцкого) // ж. Цаган өвсни дольган (Ковыльные волны) – 1933. – № 7. – С. 3 – 5.

номной самостоятельной провинции и долгое время оставался в зоне экономического и политического влияния России. Отчасти это подтверждалось приведенными в сообщении Нирджидмы данными о количестве вывезенных в 1932 году на продажу в Россию 27000 голов крупного рогатого скота через Карашарский рынок.¹ Также принцесса кратко информировала собеседников о том, что дошедшие до Джунгарии волжские торгуты составляют пять округов или владений пяти волжских нойонов.²

После встречи с калмыками в Париже Нирджидма в сентябре побывала в Праге, где встретила с членами Калмыцкой комиссии культурных работников, активно занимавшимися издательской деятельностью. Оттуда она совершила поездку в Белград, где прошли ее встречи с представителями калмыцкой колонии. Потом она вновь вернулась в Прагу и побывала в гостях у калмыков Пражской колонии.³

¹ Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкина: Материалы конференции – Барнаул: АзБука, 2003.

² Согласно китайским источникам, из России вышло 33 тысячи кибиток в количестве 169000 чел. До Джунгарии дошло около 85000 чел. // Санчилов В.П. «Илэтхэл шастир» - источник по истории ойратов. – М.:Наука, 1990. – С. 87 – 89; По сведениям монгольского историка Б. Анхбаяра, из прибывших в Китай калмыков было образовано 5 округов. Наместник Убаши был поселен в Карашарском округе, где было образовано 4 хошуна под его началом. Другие волжские калмыки, управляемые нойонами Цебек-Дорджи, Ахсахалом, Хайдавом и Бамбаром, были поселены с местными торгутами. Цебек-Дорджи было присвоено звание чиван. Он вместе с Хайдавом образовал Барун хошун, Ах-сахал – Зюн хошун. Бамбар-нойон со своими подданными был поселен среди Хара-Усунских торгутов. См.: Анхбаяр Б. Шинжан-Уйгурын өөртө засах орны монгол угсаатны түүх түрэлдэхүүн тараалт // Үндэснүй монгол судлаал. – Улаанбаатар, 2004. – № 3. – 25 – 29 х.; К. Риттер считает, что в Джунгарии были поселены 14 сумов. В каждом суме по 500 кибиток, общей сложностью 7000 кибиток, в которых числилось 42000 чел. / / Риттер К. Землеведение в Азии. – СПб., 1877. – Т. 4. – С. 212 – 218; По сообщению Б.В. Долбежева, секретаря консульства России в Урумчи, дошедшие до Джунгарии волжские калмыки подверглись смешению, т.е. произошло насильственное административное деление и слияние родов. См.: Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших из России в Китай // Сборник географических, топографических и исторических материалов по Азии. – Вып. 86. – СПб., 1913. – С. 1 – 52.

³ ж. Цаган өвсни дольган (Ковыльные волны) – 1933. - № 7. – С. 57.

Ее приезд внес определенное оживление в жизнь калмыцких эмигрантов, о чем свидетельствует ряд публикаций, появившихся в их печатных органах. В седьмом номере журнала «Цаган өвсни дольган» («Ковыльные волны») за 1934 год были опубликованы стихи, написанные Шамбой Балиновым, Санджи Аршиновым и Учуром Алексеевым в честь принцессы Нирджидмы, а писатель Санджи Балыков посвятил ей рассказ «В долине снежных барсов».¹

Пребывание торгутской принцессы Нирджидмы в Европе не осталось без внимания и западных востоковедов. 11 января 1934 года французское общество друзей Востока в зале Musée GUIMET в Париже устроило собрание, на котором Нирджидма выступила с сообщением о современном положении своих соплеменников в Китае, сопроводив его исполнением народных песен карашарских торгутов. Выступление принцессы произвело большое впечатление на слушателей и заинтересовало специалистов, которые впоследствии издали книгу песен карашарских торгутов. В марте 1934 года Нирджидма выехала из Европы на родину.²

Как высокообразованный для своего времени человек принцесса Нирджидма придавала большое значение проведению научных работ и оказывала всемерную помощь исследователям религии, культуры и быта монголов Китая. Имена Палты Ванга и его дочери – принцессы Нирджидмы с благодарностью упоминаются авторами научных трудов, посвященных различным проблемам развития Синьцзяна. По данным профессора А. Борманджинова, Нирджидма принимала активное участие в подготовке издания книги шведского путешественника Г. Христинсена «Люди и боги Монголии», написав даже предисловие к изданию ее на английском языке. Оказывала она содействие и западным кинодокументалистам в ходе съемок фильма о жизни кочевников.

По информации профессора Синьцзянского университета Ш. Норбо, до начала 1950-х годов принцесса Нирджидма проживала с семьей в Пекине.³ Когда же началась война во Вьетнаме, вмес-

¹ Балыков С. В Долине барсов (легенда) // ж. Цаган өвсни дольган (Ковыльные волны) – 1933. – № 7. – С. 6 – 12.

² ж. Ковыльные волны. – 1934. - № 8. – С. 36.

³ Сообщение получено в 1994 г. в ходе личной беседы с профессором Ш. Норбо в Элисте.

те с семейством она выехала на родину мужа во Францию, где и теперь живут ее потомки.¹

Песни, исполненные Нирджидмой во время встречи с членами французского общества друзей Востока, были выпущены отдельной книгой в 1937 году в Париже. К печати издание было подготовлено Madame Humbert-Sauvageot. В него вошли восемнадцать песен, тексты которых были опубликованы на «ясном письме» и в транслитерации, с комментариями и нотным сопровождением.² Однако необходимо отметить, что тексты песен на языке оригинала («ясном письме» и в транслитерации), переданы в неполном виде, т. е. почти все они представлены либо одним, либо двумя куплетами. И только по французскому переводу этих песен можно догадываться об их истинном объеме. О некоторых недостатках этого издания пишет в своей работе профессор Дж. Крюгер.³

Устное поэтическое творчество ойратов складывалось и развивалось на протяжении многих веков. Их народную песню исследователи считают одним из «самых живых жанров». Б. Я. Владимирцов народные песни разделял на «три рода»: **айдзам дуу** (протяжные песни) – песни величавые, лироэпические, воспевающие героев и богатырских коней; **шаштр дуу** – песни религиозного содержания; **шалиг дуу** – песни любовного содержания. Н.О. Очиров полагает, что народ песни делит на две большие группы: **протяжные** (ут дун) и **быстрые** (ахр дун). В первых воспеваются подвиги богатырей, находят отражение крупные исторические события и добродетельная жизнь священнослужителей. Быстрые же песни характеризуются простотой содержания и исполнения.

¹ Ее сыновья носят фамилию де Торгут. В сентябре 2001 года в Элисту приехала внучка Нирджидмы Натали де Торгут де Чанг; дочь Шарля де Торгута.

² DIX-HUIT CHANTS ET POÈMES MONGOLS. Regueillis par La princesse Nirgidma de Torhout. Et transcrits par Madame Humbert-Sauvageot. Avec notations musicales, texte mongol, commentaries et traductions. – Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1937.

³ J. R. Krueger. «Dix-huit chants et poemes Mongols» revisited // *Études Mongoles*. – Cahier 6, 1975. – P.215-229.

Образцы песенного творчества синьцзянских торгутов, вошедшие в парижское издание, представляют собой различные жанры народных песен.

Составители сборника разделили их на пять частей:

- **Песни ностальгического содержания** (Chansons de nostaljie);
- **Песни о любви** (Chansons d'amour);
- **Песни застольные** (Chansons a boire);
- **Песни эпические** (Chansons epiques);
- **Песни волшебного содержания** (Contes cantes).

Изобразительные средства народной песни – эпитеты, сравнения, метафоры – свидетельствуют о самых тесных связях человека и природы. В сравнении мира природы с миром человеческих чувств раскрываются идея и тема каждой песни. Устоявшихся образных сочетаний примечательных особенностей окружающей природы вполне достаточно для восприятия нарастающего эмоционального чувства.

В раздел «Песни ностальгического содержания» вошли два образца устного творчества торгутов: под № 1 «Сеер харна сүүдртэ» («Pour le vjyageir») и под № 2 «Хадта Сөмр уул» («Nostalgie»). Как отмечается в предисловии к ним, песни просты по содержанию и не требуют особого комментария. Составителями они датированы 1860 – 1870 годами. В этих песнях выражаются ностальгические чувства паломников, находящихся в Тибете, вдали от родных мест.

Разнообразными образцами песенного творчества представлен раздел «Песни о любви», состоящий из девяти песен, разных по содержанию, но одинаково «монотонного», по замечанию составителей сборника, исполнения. В песне под № 3 «Тур Банди» («Touri Bendi»), которая датирована 1860 годом, выражается тревога девушки за любимого, который не вернулся из ратного похода. В основе песни под № 4 «Синдрия» лежит древняя легенда о девушке Хантарме и ее трагической любви. Синдрия – название местности высоко в горах Эрен Хавирги, откуда берет свое начало родник. Как отмечают составители, песня была создана конце XVIII века.

В песне под № 5 «Хааран одв гихв» («Avez-vous vu?») выражается отчаяние девушки, которая, не выдержав расставания с любимым, отправляется на его поиски и расспрашивает о нем каждого встречного. Она обещает отдать имеющиеся у нее украшения тому, кто сообщит, где ее возлюбленный. О горечи расставания с любимым человеком повествуется и в песнях под № 6 «Каблма бүскэ» («Gavelma»), время создания которой определяется 1900 – 1910 годами, под № 7 «Зүүхэд кесн зүүвчичн» («Souvenir»), под № 8 «Үүрвжидма» («La montagne la plus haute») и под № 9 «Уластахн хол» («L'Ouliastai»). Составители сборника называют их «меланхоличными» песнями, поскольку их отличает «характерный» для таких песен напев.

Песня под № 10 «Баахн Самйар нойн» («La main aux yeux») определена составителями как халхаская песня, получившая распространение среди торгутов Китая. Среди песен этого раздела особо стоит выделить песню под № 11 «Үанцарн хоцрлав» («Complainte des oies sauvages»), так как содержание ее не вполне соответствует разделу «Песни о любви». Составителями она определена как колыбельная («berceuse»), но почему-то включили они ее именно в этот раздел. Дата создания песни обозначена 1860 годом. Поется в ней о том, что главный герой, отстав в пути от своих братьев, сравнивает их с соколами-кречетами (начн – шоңхр) и жалобно просит спасти его от опасностей, которые подстерегают одинокого путника.

Раздел «Песни застольные» представлен двумя образцами: под № 12 «Делсж бээх деевриг» («Chanson a boire») и под № 13 «Шастр» («Shastar»). Первая датирована 1890 годом, вторая – 1780 годом или даже ранее. Довольно часто в репертуаре одного исполнителя могут встречаться песни, которых разделяют несколько столетий, что свидетельствует о том, что время не властно надо чувствами и переживаниями человека. В данном случае песни различны по своему содержанию. Если первая – это песня, исполняемая как застольная, то вторая – протяжная величальная песня обрядового характера, такие обычно исполняются на пиру во время поднесения сосуда с напитком представителям высшего сословия. Торжественное застолье проводилось, как правило, по определенным законам, все

действия имели свою последовательность с соблюдением соответствующего этикета. Определенный порядок имели и песни, исполняемые во время пиршества.

Раздел «Песни эпические» также содержит два образца: под № 14 «Галдама» («Galdanma») и под № 15 «Дамби Жалцан» («Dambi Jaltsan»). Содержание этих образцов песенного творчества карашарских торгутов раскрывает эпические события народной истории. В них воспеваются реальные исторические лица – ойратский витязь Галдама, сын хошутского Цэцэн-хана и Дамби Джалцан, больше известный как Джа-лама.

Галдама был выдающимся военным и государственным деятелем Джунгарии. Он прославился уже в семнадцатилетнем возрасте, убив в бою казахского Янгир-хана, имевшего прозвище «салкам» («внушительный»). В 1658 году, имея под своим командованием всего лишь трехтысячный отряд, Галдама разгромил 38-тысячное войско бухарского Абида-Шукура. Он умер в 1667 году в возрасте 33 лет. По сохранившемуся преданию, он был отправлен мачехой – младшей женой Цэцэн-хана. Образ и имя Галдамы стали идеалом ойратского рыцарства. В памяти народа не осталось столько прекрасных преданий, легенд и песен ни об одном из исторических деятелей. Одно из преданий гласит о том, что владыка верхнего мира Хурмуста-тенгрий, утомившись от забот, присел отдохнуть на свой трон и вздремнул. За этот короткий миг он успел прожить короткую, но яркую жизнь в мире людей в образе Галдамы. Эта легенда мифического содержания, как это не странно, родилась на основе конкретных реальных фактов. Раднабхадра в биографии Зая-пандиты пишет, что по смерти Галдамы тело его согласно буддийским традициям было кремировано, а пепел доставлен Далай-ламе, который указал, что он переродился в тенгрия.

Протяжные песни исторического содержания, прославляющие легендарных личностей прошлого, близки друг другу по своей художественной задаче: воспеть их исключительность и вознести над обыденностью. Решается она различными средствами. В одном случае преобладающей становится эпическая тональность, обеспечиваемая стилистическими приемами магтала-восхваления, в другом

– используется образная система героического эпоса. Со временем в содержании и исполнении песен могут наблюдаться определенные изменения, которые, как правило, обедняют сюжетную основу песен. Подобное можно наблюдать при сравнении текстов песен о Галдаме, представленной принцессой Нирджидмой и записанной Г.С. Лыткиным во время его пребывания в 1859 – 1861 годах в калмыцких улусах Астраханской губернии.¹

Дамби Джалцан (Джа-лама) – известный исторический деятель, с именем которого связана освободительная война в Западной Монголии в начале XX века. Сохранившиеся о нем сведения крайне противоречивы. После установления советской власти в Монголии Джа-лама со своими сподвижниками удалился в пустынную местность, где построил крепость. Находясь там, он продолжал борьбу за возрождение независимой Джунгарии, но вскоре был убит монгольскими чекистами, среди которых был и известный советский деятель Калмыкии Х.Б. Кануков.²

В этот же раздел следовало бы отнести и песню под № 18 «Жаңһрин магтал» («Légende de Jéhangar»), протяжную величальную песню, прославляющую главного героя калмыцкого эпоса «Джангар», однако составители включили ее в раздел «Песни волшебного содержания» («Contes cantes»). Магтал (Восхваление) – это яркий образец песен эпического содержания, зародившихся на основе героических сказаний и обретших новые свойства в жанре народной песни.

Последний раздел сборника «Песни волшебного содержания» представлен двумя образцами: под № 16 «Баазрсадин хувлһн» («Basrazadi incarné») и под № 17 «Дүүрн белгин адунд» («During belec»).

Таким образом, содержание представленных в сборнике образцов народных песен торгутов Китая свидетельствует о том, что герои этих песен жили в разное время: в глубокой древности, когда царила безграничная вера в Небо-Тенгер, Землю-Этуген и много-

¹ Лыткин Г. Материалы по истории ойратов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. – С. 81 – 131.

² Ломакина И. Голова Джа-ламы. – Улан-Удэ – СПб.: Агентство ЭкоАрт, 1993.

численных ландшафтных божеств; в эпоху средневековья, т. е. в период стремительного распространения буддийского учения среди монгольских кочевников. Все это нашло глубокое отражение в содержании и семантике песен.

Знакомство наших современников с образцами старинных образцов песенного творчества торгутов Китая стало возможным благодаря принцессе Нирджидме и книге песен, изданной в Париже членами французского общества друзей Востока.

**ПЕСНИ
СИНЬЦЗЯНСКИХ
ТОРГУТОВ**

1. POUR LE VOYAGEUR

Сер харһа сүүдргэ билэв,
Сегү өндр зуслнта билэв,
Серүн хол нутгта билэв,
Одала намаһан бичкэ мартита.

Баг харһа сүүдртэ билэв,
Баатр өндр зуслнта билэв,
Баахн хол нутгта билэв,
Одала намаһан бичкэ мартита.

Угуну шилэн амгалану угсочоос
Угуну амгалану угсочоос
Угуну угсочоос

4. SINDIRYA

Синдрийаһин аршанд жирһлңтэ төрсн Хантрма,
Замарнь йовх цагнь күрхлэ, э-э Хантрма,
Заяни залучн шордхд яһдв,
Заяни залучн шордхд яһдв?

Укрин чинэн чолуг үйрчн дархд яахв,
Үннэсн дурта бидн хойриг, э-э Хантрма,
Күмнчн келхд юуһан кехв,
Күмнчн келхд юуһан кехв?

Синдрийаһин аршанд төрсн Хантрма,
Замарнь йовх цагнь күрхлэ, э-э Хантрма,
Заяни залучн шордхд яһдв,
Заяни залучн шордхд яһдв?
Укрин чинэн чолуг үйрчн дархд яахв,
Үннэсн дурта бидн хойриг, э-э Хантрма,
Күмнчн келхд юуһан кехв,
Күмнчн келхд юуһан кехв?

5. AVES-VOUS VU?

Унсн мөрнь хурдмб,
Залу бийнь сээхмб,
Эврэ ханцхн чамаһан,
Хааран одв гихв.

Көр хавчг хаалһар,
Менэд некэд һарлав,
Меринь үзсн күүнд,
Чикнәннь сувсан өгнэв.

Унсу мөрн хурдмб,
Залу бийнь сээхмб,
Эврэ ханцхн чамаһан,
Хааран одв гихв.

Көр хавчг хаалһар,
Менэд некэд һарлав,
Меринь үзсн күүнд,
Чикнәннь сувсан өгнэв.

6. GAVELMA

Һонид гидг һонан,
Һанц һанцар урһна,
Һолын амрг Каблма бүскә,
Ончта һанцарн сангдна.

Эрг болад урһснднь орһнь,
Элсн болад шуралд - хой,
Иигж йовад салснд орһнь,
Эс таньдгнь деер билә - хой.

Һонид гидг һонан

Һанц һанцар урһна

Һолын амрг Каблма бүскә

Ончта һанцарн сангдна

Эрг болад урһснднь орһнь

Элсн болад шуралд - хой

Иигж йовад салснд орһнь

Эс таньдгнь деер билә - хой

7. SOUVENIR
(CHANT D'AMOUR)

Зүүхэд кесн зүүвчичн,
Зүн ташадан хавчуллав,
Зүүчлэд келсн үгичн,
Зүрхнэннь эхднь хадхллав.
Наадлад келсн үгичн,
Ямр насндан мартхв.

Зүүхэд кесн зүүвчичн,
Зүн ташадан хавчуллав,
Зүүчлэд келсн үгичн,
Зүрхнэннь эхднь хадхллав.
Наадлад келсн үгичн,
Ямр насндан мартхв.

9. L'OULIATAÏ

Уластахн холыг яһж туурлдхв,
Урд тэвсн йоралас яһж давхмб,
Арцтахн холыг яһж туурлдхв,
Амргин келсн үгиг яһж мартхмб.

Уластахн холыг яһж туурлдхв,
Урд тэвсн йоралас яһж давхмб,
Арцтахн холыг яһж туурлдхв,
Амргин келсн үгиг яһж мартхмб.

10. LA MAIN AUX YEUX

Барун хөөтнэс үүлн харв-ла,
Бас боран орх юмнд - хой,
Барун хар нүдм бэн-бэн татвта,
Баахн Самйар нойн ирх юмнд - хой.

Садрн-садрн тоосн харв-ла,
Саарл мөрнэ тоосн мөн шуд - хой,
Сарвчлн-сарвчлн хэрхлэ,
Сэн Самйар мөн шуд - хой.

Барун хөөтнэс үүлн харв-ла,
Бас боран орх юмнд - хой,
Барун хар нүдм бэн-бэн татвта,
Баахн Самйар нойн ирх юмнд - хой.

Садрн-садрн тоосн харв-ла,
Саарл мөрнэ тоосн мөн шуд - хой,
Сарвчлн-сарвчлн хэрхлэ,
Сэн Самйар мөн шуд - хой.

11. COMPLAINTE DES OIES SAUVAGES BERGEUSE

Зүн нутгас йисүлн һарлавидн, һарлавидн,
Йисн шовунас һанцарн хоцрлав, хоцрлав,
Начн шоңхр ах мини, намаһан аврита, аврита.

Өмн шовун үүртән күрв-лә, күрв-лә,
Хойш шовун үдәсн өңгрвә, өңгрвә,
Начн шоңхр ах мини, намаһан аврита, аврита.

Йисн шовун үүртән күрв-лә, күрв-лә,
Хойш шовун үдәсн өңгрвә, өңгрвә,
Начн шоңхр ах мини, намаһан аврита, аврита.

12. CHANSON A BOIRE

Делсч бээх деевриг
Деесн арһмжар дарулна,
Делсч бээх седклиг
Денгин эркэр дарулна.

Һулз- һулз һурвиг
Һурвн динжар дарулна,
Гейурж бээх седклиг
Һундуң эзэр дарулна.

ᠳᠡᠯᠰᠴᠢᠪᠡᠭᠡᠳᠡᠭᠦᠷᠢᠭ
ᠳᠡᠭᠡᠰᠨᠠᠷᠢᠮᠵᠢᠷᠳᠠᠷᠠᠯᠤᠨᠠ,
ᠳᠡᠯᠰᠴᠢᠪᠡᠭᠰᠡᠳᠻᠢᠯᠢᠭ
ᠳᠡᠨᠭᠢᠨᠡᠷᠻᠡᠷᠳᠠᠷᠠᠯᠤᠨᠠ.

ᠬᠤᠯᠵᠢᠰᠤᠬᠤᠯᠵᠢᠰᠤᠬᠤᠷᠠᠭᠢᠨ
ᠬᠤᠷᠠᠭᠢᠨᠳᠢᠨᠵᠢᠷᠳᠠᠷᠠᠯᠤᠨᠠ,
ᠭᠡᠢᠦᠷᠵᠢᠪᠡᠭᠰᠡᠳᠻᠢᠯᠢᠭ
ᠬᠤᠨᠠᠳᠤᠨᠡᠵᠡᠷᠳᠠᠷᠠᠯᠤᠨᠠ.

13. SHASTAR

Нуурин дунднь нухсн чимг,
Нутгин дунднь нойднь маань.

Үлмж буяр үвлзгсн
Үнн эзн нойдудын дергд.

Уулын орад үүлн чимг,
Улс дунд нойдуднь маань.

نَفْلَانِ كَفْلَانِ نَفْلَانِ كَفْلَانِ
نَفْلَانِ كَفْلَانِ نَفْلَانِ كَفْلَانِ

15. DAMBI JALTSAN
(CHANT EPIQUE MODERNE)

Унад ирсн мөрнь
Унһн цэвдр мөрмб,
Учрад ирсн залуһинь асухла,
Эркм Дамби Жалцн мөн болдг, хой!

Цасн цаһан жиднь
Цээлзүлэд ирлд, хой!
Цацурад ирсн залуһинь асухла,
Эркм Дамби Жалцн мөн болдг, хой!

Унад ирсн мөрнь
Унһн цэвдр мөрмб,
Учрад ирсн залуһинь асухла,
Эркм Дамби Жалцн мөн болдг, хой!

Цасн цаһан жиднь
Цээлзүлэд ирлд, хой!
Цацурад ирсн залуһинь асухла,
Эркм Дамби Жалцн мөн болдг, хой!

16. BASRAZADI INCARNÉ
(THEME DE BALLADE)

Бууничн хэлэхлэ, сээхн залу гилднэ,
Боодгичн хэлэхлэ, сээхн күүкн гилднэ.

Саадгичн хэлэхлэ, сээхн залу гилднэ,
Шаңхгичн хэлэхлэ, сээхн күүкн гилднэ.

Бөжр-бөжр борта, бөк цолва зүрктэ,
Кен гих күмбв, Базрасдын хувлһн.

وضی رحیم شمس حنیفیس اسحتسرم حیفو لایعدندس "
ولکل رحیم شمس حنیفیس اسحتسرم نوموم لایعدندس "
ایسحتسرم رحیم شمس حنیفیس اسحتسرم حیفو لایعدندس "
ایسحتسرم رحیم شمس حنیفیس اسحتسرم نوموم لایعدندس "
ولکل رحیم نوموم " ولکل اسلم شعورینس "
ولکل رحیم نوموم " ولکل اسلم شعورینس "

18. LA LÉGENDE DE JEHANGAR CHANTS ÉPIQUE

Бумб далан кэвэд бурхнаһан бээһүлэд,
Бумб нойн Жаңһрнь бум күцэд нээрлнэ,
Пай, пай, пай!

Дөчн дөрвн термтэ, дөрвн миңһн уньнта
Дүңг цаһан өргәнһ дууна һазрт дүңгәнэ,
Пай, пай, пай!

Олн буһин арсар өмн деевр делдүлэд,
Өнчн занһн сояһар уньһ терм делдүлэд,
Пай, пай, пай!

Өмн деевр делдүлэд,
 Өнчн занһн сояһар уньһ терм делдүлэд,
 Пай, пай, пай!
 Дүңг цаһан өргәнһ дууна һазрт дүңгәнэ,
 Дөчн дөрвн термтэ, дөрвн миңһн уньнта
 Бумб нойн Жаңһрнь бум күцэд нээрлнэ,
 Бумб далан кэвэд бурхнаһан бээһүлэд,
 Пай, пай, пай!

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ ТОРГУТОВ КИТАЯ ¹

В сердце Азии, между отрогами Тянь-Шанских гор, по рекам Зулдус, Хядик, Эвте и прочих, между Или и Урумчи, на территории, размером приблизительно с Испанию, в автономной провинции Китая, вот уже 160 лет со времени прихода с Волги живет народ монгольского племени – торгуты, которых в Европе, но главным образом в России, знают как калмыков – под названием более позднего происхождения.

В административном отношении народ этот по племенному признаку делится на пять аймаков, управляемых ханом или нойоном, или выборным лицом, которые никак не подчинены друг другу.

Прямые потомки Убаши-хана носят титул хана и по положению считаются старшими над нойонами. Фактически же каждый нойон непосредственно и сепаратно подчиняется китайскому губернатору – джанджуну. Последний облечен полномочиями решать, скорее, вопросы внешнеполитического характера, чем внутренние административные, так как торгуты совершенно самостоятельны и в своей жизни руководствуются старинными народными законами, обычаями и традициями.

Говорить много о быте и нравах наших торгутов не считаю нужным, так как в этом отношении они почти ничем не отличаются от волжских калмыков. Также нет особенной разницы ни в языке, ни в религиозных церемониях, ни даже в психологии.

¹ ж. Цаган өвсни дольган (Ковыльные волны). – 1933. – № 7. – С. 3 – 5.

Я должна с удовлетворением констатировать, что наши братья-калмыки, несмотря на довольно продолжительное пребывание во всесторонней зависимости от более цивилизованного, весьма интенсивного в своих ассимиляционных и агрессивных проявлениях народа, национально вполне сохранились.

Лишь некоторую разницу я заметила в нарядах, как и наличие новых слоев у обеих частей нашего народа, которые под влиянием культур двух великих народов, там – китайцев, здесь – русских, не могли не появиться. Но основные формы и элементы национальной одежды у нас одни и те же.

Жизнь нашего народа глубоко отлична от жизни народов в Европе. В этой краткой статье я не имею намерения дать полное ее описание. Одно могу констатировать, что уровень духовности и морали нашего народа не ниже, чем у народов Европы или других частей света. Вежливость, почитание старших, религиозность, уважение чужой собственности, стремление к установлению хороших отношений с близкими и ближними, готовность к взаимной поддержке, верность старым традициям, гостеприимство, неприятие преступлений – вот главные черты характера, присущие нашему народу.

Что касается материальных благ, т. е. всего того, что делает жизнь благоустроенной, мы находимся в иной стадии. У нас нет, как здесь, таких технических средств связи, нет таких жилищ, нет больших городов с их освещенными улицами, с банками и отелями, барами и магазинами, шумом и смогом. Жизнь нашего народа не требует такого множества предметов потребления, как здесь...

Но зато мы не знаем тех поистине чудовищных преступлений, какими богаты города Европы и Америки. Нет у нас и такой острой социальной борьбы, которая разъедает жизнь народов в Европе, потому что между богатым и бедным нет такой резкой разницы, как здесь. У нас не дымят фабрики, однако нет голодающих и безработных. Наш народ не знает такого, когда бы здоровый и желающий трудиться мужчина вынужден сидеть сложа руки и жить за счет государственной казны, не имея возможности найти себе пропитание. У нас нет той лихорадочной погони человека за заработком, при которой здесь люди ни перед чем не останавливаются.

Земля наша гориста и обильна лесами. Воздух чист и свеж. Небо ясно. Лето обычно продолжительное и жаркое. Зимы суровы. Не бедны и наши недра. Есть целебные источники и озера. Скотоводство и земледелие являются основными видами хозяйствования, и, будучи всем доступными, они вполне обеспечивают нашему народу сносную жизнь. У каждого торгута есть кров, и каждый из них имеет что поесть и во что одеться. Все остальные способы хозяйствования находятся в таком зачаточном состоянии, что о них как о факторах народной экономики и говорить не приходится.

Торговля излишками натурального хозяйства ведется преимущественно с Россией через Или, Чугучак, Кашгар и другие пункты. К примеру, достаточно сказать, что через Кашгарский рынок только за 1932 год в Россию было вывезено 27000 быков.

К нашим недостаткам в общественной жизни следует отнести как отсутствие школ, из-за чего люди не могут выучиться грамоте, так и о, что каких-либо мероприятий по санитарии не проводится. А это нередко приводит к вспышкам эпидемий, бороться с которыми народ сам не может.

Отсутствие школ сказывается на том, что у нас нет ни печати, ни литературы, исключение составляют религиозные тексты и редкие старинные книги. Но именно поэтому у нас очень хорошее развитие получило устное народное творчество: песни, которые сочиняются почти каждым и по всякому поводу и потом любовно расппеваются всем народом, сказки, предания и легенды. Однако, передаваясь из уст в уста, зачастую они теряют первоначальное содержание, так как рассказчики или певцы нередко импровизируют при исполнении.

В общем, живем мы тихо и мирно, не обуреваемые какими-либо политическими, социальными или национальными страстями. Зависимость от Китая наш народ на себе мало ощущает, поэтому она не давит тяжелым молотом на народную психику и не вызывает никаких страстей.

Само собой разумеется, что мой приезд в Европу ни в малейшей степени не связан с вопросами политического характера, как пишет об этом, услышав из третьих уст или по собственному воображению, чешская газета «А-3». Точно так же могу опровергнуть

мысль о том, что «калмыки в Восточной Монголии бьются за самостоятельность».

Русская революция коснулась лишь некоторых богатых торговцев, которые держали свой капитал в русских рублях или даже в русских банках. Все эти люди с революцией потеряли состояние. События же в самом Китае до нас не доходят.

Побывав в некоторых калмыцких эмигрантских колониях согласно нашему обычаю просто проведать их, я не могла не заметить у них всеобщей и ощутимой тяги к Азии, в частности, к нашей среде. Душевные стремления их понятны и приятны, но осуществить это в жизни, как мне представляется, настолько трудно и сложно, что остается только пожелать исполнения, но никак не утверждать что-либо серьезное по этому поводу.

Выражая свое искреннее душевное сочувствие моим братьям, попавшим в такое печальное положение, я могу только обещать, что не забуду их, буду поддерживать хотя бы духовную связь, и, если это будет в моих силах, помогу, чем можно. Будем верить, что ваше упорное желание некогда сможет и исполниться. Ваши братья торгуты в далекой Джунгарии, Хара Шаре, в долинах Тянь-Шаня еще помнят вас и говорят, хотя о событиях в вашей жизни мы ничего не знали. Отправляясь сюда, я совершенно не предполагала, что найду в Западной Европе моих братьев.

(Перевод с калмыцкого)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума «Хальмг Таңһчин Туг»

по случаю приезда калмыцкой принцессы Нирджидмы¹

В дополнение к нашей словесно выраженной и душевно почувствованной радости по случаю установления живого общения между 162 года тому назад разлученными частями единого калмыцкого народа в лице Принцессы Нирджидмы и Калмыцкой эмиграции, президиум «Хальмг Таңһчин Туг» настоящим считает своим приятным долгом еще раз приветствовать нашу дорогую гостью на страницах своего скромного журнала и выразить наши глубокие чувства уважения и братской любви.

«Хальмг Таңһчин Туг» выражает твердую уверенность, что, как бы по различному ни сложилась наша политическая судьба, наш народ не умрет, коль живо будет в его душе сознание нашего единства. В наше время технического прогресса нет непреодолимых пространств, тем более нет средств против общения духовного.

Наша организация, наряду с преследованием нашей прямой вольно-казачьей цели, будет всемерно стараться, чтобы эта установленная духовная связь между волжскими и карашарскими братьями не прерывалась.

Руководитель Калмыцкой национально-политической группы
«Хальмг Таңһчин Туг»

Шамба Балинов

Его советники:

д-р Эренджен Хара-Даван
д-р Санджи Степанов

Главный секретарь:

Санджи Балыков

¹ ж. Цаган өвсни дольган (Ковыльные волны). – 1933. – № 7. – С. 5.

НОЙН КҮҮКН НИРДЖИДМЭ¹

Хан Аюкин тусхал уңг,
Хуучн алдрин эмд сергэмж,
Хэрсн омгт халун сүрө –
Хээртэ сээхн Ниржидмэ.

Эрвлэгсн шууран дүртэ,
Эврэ күүнэ сэн шингрсн,
Эңгжүр бээдлин көрн болгсн –
Элдв сээхн Ниржидмэ.

Титм дам чинр дүрсэн
Таңһч отгтан толһа болм,
Торһуд эмтнд түшүр болм –
Тавта сээхн Ниржидмэ.

Дээснэ көлд дэвүр болгсн,
Дажрлһ уга тегш эдлгсн,
Даңгин биднд байсхл күргсн –
Дала дүңгәһэр Ниржидмэ.

Урһх үзгүр оньган тэвэд,
Үүд хаалһ яддг манд
Учр шалтаһинь бүтэж чадм –
Ухата сээхн Ниржидмэ.

Төрин салькна көлд харһад,
Төрл саднаһн заальн хаһцад,
Тенсн биднд тусан хальдам –
Теңгел уга Ниржидмэ.

10.08.1933. Париж.

¹ ж. Цаган өвсни дольган (Ковыльные волны). – 1933. – № 7. – С. 5.

**НОЙН КҮҮКН
НИРЖИДМЭН НЕРНД ¹**

Теңгин көвүн Чингс,
Тевкэ теңгин ачнр,
Таңгсг таңһчин нойдуд
Тастан манд тоолгдна.

Таварн өсдг алвт,
Таалмжта хальмг таңһч,
Төр шажн хамгтан
Тусхал манд сангдна.

Хол зэнгин дунд
Хан күүкн Ниржидмэ
Хальмг хаана орнас
Маниг таньхар ирсн.

Нилхэр батрсн санань
Номһрсн зүрк цокулна,
Орчлңгин күрдин эргцд
Одал ирж үзлцвидн.

Таңһчин таньл залһгч,
Таалмжта седкл өскэгч,
Тэрнин сид нертэ
Торһуд хаани Ниржидмэ.

Хан күүкн Ниржидмэ –
Хальмг таңһчин өлзэлэ,
Хамхрн таргсн хальмгудан
Хамтл кеж автхала.

¹ ж. Цаган өвсни дольган (Ковыльные волны). – 1933. - № 7. – С. 29.

Мөр зокархин хаалһд
Мөңк нас эдлж,
Муурад үлдгч маниг
Мартл уга евөтхэлэ.

Харңһу сөөһин хаалһдан
Харсг нөкд болсвидн,
Хальмг таңһчин төрэн
Хамдан ниилж босхий.

Урһх үзгин улс
Урд таргсн болвчн,
Урдк уңган негдүлж
Угтн ниилэн зокрлций.

НИРДЖИДМЕ ¹

Слышал я, что уезжаете
В страну свободную свою...
Знать, у нас не побываете
И не вдохнете азийскую струю?

Пути счастливого Вам желаю
И свой поклон из чужбины
Милым братьям посылаю
В Кара-Шарские долины.

Нас, оставшихся на Волге,
И, как щепки, по волнам
Плывущих ныне в чуждом мире
Вспоминайте чаще там.

Хоть бесчувственному праху
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне хотелось бы почивать.

¹ ж. Цаган өвсни дольган (Ковыльные волны). – 1934. – № 8. – С. 25.

А. Борманджинов,
*профессор, действительный член
Нью-Йоркской Академии наук*

ПРИНЦ ПАЛТА¹

К концу правления маньчжурской династии и некоторое время после ее падения Монголия находилась под сюзеренитетом Китая. Регион Кобдо, западная часть современной Монголии, управлялся хэбэй-амбанем и был населен ойратами, т. е. западными монголами. До 1907 года Кобдоский округ состоял из одного Сайин-Дзагатуйского аймака, включавшего в себя четырнадцать дербетских и два хойтских хошуна.² Дополнительно в него входили: два алтайских староторгутских хошуна, которые составляли один аймак; один алтайский новохошутский хошун и еще один алтайский урянхайский аймак, состоявший из семи хошунов, а также двенадцать отоков алтайских киргизов [1].³

20 января 1907 года из состава Кобдоского округа в самостоятельный в административном отношении был выделен новый Алтайский округ, который выводился из-под юрисдикции хэ-

¹ Bormanshinov A. Prince Palta // Proceedings of the International Conference on China Border Area Studies. April, 1985, Taipei. P. 1015 - 1040. Reprinted from. Статья дана в изложении с добавлением комментариев.

² Хошун – монгольская военно-административная единица.

³ В документах того времени киргизами называли казахов, урянхайцами – торкоязычных тувинцев и алтайцев, калмыками – потомков волжских торгутов и ойратов Джунгарии.

бэй-амбаня Кобдоского округа.¹ Вначале им управлял специально назначенный маньчжурский имперский агент, находившийся в Кобдо. Спустя некоторое время его резиденция была перемещена в крепость Шара-Сумэ (Желтый храм), построенную на месте бывшего ойратского буддийского монастыря [2].

Новый Алтайский округ располагался к юго-западу от Монгольского Алтая и занимал территорию между границами Российской империи с одной стороны, Кобдоским и Чугучакскими округами – с другой. Таким образом, в новый округ входила территория между берегами рек Урунгу (монг. Бурлу-тохой, Булун-тохой) и Черный Иртыш (от его истоков до р. Алкабека), а также верховья рек Булгун и Чингил, земли вокруг озера Улюнгур.² В современном Синьцзян-Уйгурском автономном районе бывший Алтайский округ является специальной административной зоной – Алтайской специальной территорией Илийской казахской автономной префектуры [3].

Население нового Алтайского округа представляет большое разнообразие этнических групп:

¹ По данным исследователей, хэбэй-амбань Кобдоского округа Жуй Сунь обратился к цинскому правительству с предложением об образовании нового Алтайского округа. В 1905 году в местности Булун-Тохой началось строительство центра административного управления новым Алтайским округом, куда должны были войти четыре улуса казахов и семь хошунов урянхайцев Кобдоского округа. Причиной выделения части Кобдоского округа в новый Алтайский округ российский консул в Кобдо, а затем временно исполнявший обязанности консула и в Шара-Сумэ подполковник М. Кузьминский, называет необходимость основания «сильной близкой власти» для кочевников и укрепления северо-западной границы Китайской империи. Киргизы, урянхайцы и калмыки вели постоянные земельные споры между собой, что приводило к непрерывным перекочевкам на территорию Российской империи и обратно. // Моисеев В.А. Социально-экономическое и политическое положение алтайских казахов Синьцзяна в 1911 – 1917 гг. // Новое в изучении Китая. История и историография. – М.: Наука, 1988. – С. 97 – 102.

² Население долины р. Урунгу и верховьев Черного Иртыша составляли калмыки. Восточную (верхнюю) часть занимали хошуты, управляемые ханом Хара-шаром. Во время дунганского восстания в низовье р. Урунгу и в верховья Черного Иртыша были переселены калмыки из долины р. Эмили. Они составляли 10 сумов, в том числе 1 сум чахаров и 1 сум ульчамангулов // Риттер К. Землеведение в Азии. – СПб., 1877. – С. 13.

1. Два хошуна старых торгутов, известных также как булгунские старые торгуты, занимали южные склоны Алтайских гор. Они составляли один Чинг Сет-хилту аймак, в который ранее также входило по одному хошуну захчинов и хошутов. Одним из хошунов старых торгутов управлял Палта Ванг.

2. Один хошун новых хошутов, которые населяли Хабчак аймак, также занимал южный склон Алтайских гор.

Население этих аймаков – это потомки торгутов и хошутов, пришедших в 1771 году с берегов Волги и с тех пор кочевавших вдоль рек Урунгу и Черный Иртыш, а также по верховьям рек Булгун и Чингил.¹

3. Семь хошунов алтайских урянхаев.

4. Двенадцать отоков алтайских киргизов.

5. Китайская военно-сельскохозяйственная колония, расположенная в местности Булун-Тохой [4].²

К концу 1911 года (возможно, эта дата не окончательная) Палта Ванг был назначен губернатором Алтайского округа [6]. Ему было 29 лет – возраст необычайно молодой для правителя вновь образованного округа, граничившего с Российской империей и Монголией. Его назначение на этот пост имело значение, хотя бы потому, что он не был ни манджуром, ни китайцем, а выходцем из местных торгутов.³

В период своего недолгого пребывания на посту губернатора Алтайского округа (1911 – 1913) Палта Ванг основал город Шарасумэ. Для него была построена резиденция вблизи этого города,

¹ По данным В.А. Моисеева, торгуты и захчины кочевали по среднему течению р. Урунгу, Синему Иртышу, Чингилю, Булгуну и землям, примыкающим к границе с Кобдоским округом. Казахи с урянхайцами кочевали на остальной территории нового округа.

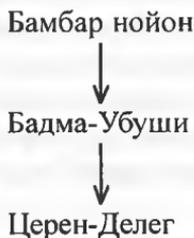
² По другим данным, в Алтайский округ вошли 13 казахских укурдаев (традиционная административная единица казахов) общим числом около 12 тысяч семей. Кроме них, в округ вошли 7 хошунов урянхайцев, состоявших из 600 семей, 4 хошуна торгутов, насчитывавших более 650 семей (по другим данным, к округу было приписано 7 торгутских хошунов) и 2 хошуна захчинов из 200 с лишним семей.

³ Моисеев В.А., ссылаясь на архивные данные, указывает точную дату назначения Палты Ванга на пост губернатора Алтайского округа – 28 мая 1912 г.

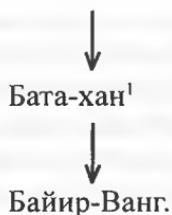
название которого ассоциируется с одноименным буддийским монастырем, об основателе и времени возведения которого, к сожалению, нет точных данных [5]. Новая резиденция Алтайского округа Шара-Сюме (с 1950 г.— Алтай) находилась на южном склоне Алтайских гор, в верхнем течении Черного Иртыша, менее чем в 15 километрах от поста Толгу, или Тулга, если судить по российским и западноевропейским картам.¹

Данные о жизни и деятельности Палты Ванга, которые приводятся в данной статье, составлены на основе двух источников. В качестве первого послужила устная беседа на калмыцком языке с Мин-Ванг-Минджур-Дорджи, старшим сыном Палты Ванга, записанная мной в октябре 1973 года в Тайпее. Ему было 70 лет (он родился в год Зайца, т. е. в 1903 году). Второй источник составили публикации на русском, немецком и английском языках. К сожалению, из-за незнания китайского языка мне не удалось использовать ни одного китайского источника.

Палта Ванг родился в год Лошади, т. е. в 1882 году. Он был старшим сыном Байир Ванга, нойона «старых торгутов», т. е. тех торгутов, которые в 1771 году покинули Россию и вернулись на свою историческую родину — Джунгарию. По информации Минджур-Ванга родословная его предков выглядит следующим образом:

¹ По данным, приведенным у К. Риттера, г. Тулга (Шара-Сумэ) возник в 1862 г. на левом берегу р. Крана, рядом с буддийским храмом, который основал Цаган-гэгэн, обладавший светской и религиозной властью. Город состоял из двух частей: собственно монастыря и поселения китайцев. Храм был устроен на высоком фундаменте из гранита. Дом Цаган-гэгэна находился недалеко от храма и был окружен стеной с 4 башнями по углам. Численность населения города составляла 3000 чел., из которых более 1000 были ламы, остальное население составляли китайцы, каракалмыки, чахары и элюты. // Риттер К. Землеведение в Азии. — СПб., 1877. — С. 19.

У Байир Ванга было два сына: Палта Ванг (1882 – 1920) и Темерджин (? – 1912).

У Палта Ванга было четверо детей: сын Минджур Ванг (1903 – 1975); дочери Нирджидма (1907 – 1983) и Сертсо (1913 – 1930), сын Цеден Дорджи (1914 – ?).

По словам Минджур Ванга, его дальний предок – Бамбар нойон – был братом Убаши-хана, последнего правителя Калмыцкого ханства, ставшего вдохновителем ухода в 1771 году большей части калмыков из России. Таким образом, Палта Ванг являлся прямым потомком известного калмыцкого Аюки-хана, который, прожив долгую и богатую на события жизнь, умер в преклонном возрасте в 1724 году.

В 1905 году финский алтаист Густав Джон Рамстедт (1873 – 1950) во время одного из своих многочисленных пребываний в Монголии и прилегающих к ней регионах посетил резиденцию Байир Ванга и его сына Палты. Просторный дом князя Байира располагался в долине реки Джиргаланг, на расстоянии дневного перехода к западу от довольно большого города Ши-хо, также известного под калмыцким названием Хур Хара Усун. Также называется река, на берегу которой стоит город Ши-хо (Ших-хо по написанию

¹ В дневнике Сосновского за 1837 г. сообщается, что Хребет Сауру и терраса, орошаемая верхними частями р. Кобуг, занята калмыками, бежавшими в 1771 г. с Волги. Местные торгуты составляют 14 сумов, управляемых тремя наследственными князьями. Старшим из них считается Чири-прабата (видимо, имеется в виду Церен Батта), имеющий китайский титул вана. Он считается официальным правителем всех торгутов и непосредственно управляет 4 сумами. Другой князь – Аредын – управляет 6 сумами, а третий – Матень – 4. В каждом из них в среднем насчитывается до 500 кибиток. Следовательно, во всех торгутских сумах было 7000 кибиток, или 42000 душ // Риттер К. Землеведение в Азии. – СПб., 1877. – С. 218.

Рамстедта) [7]. Ши-хо находится в 150 милях к северо-западу от Урумчи, по пути в Кульджу (Ининг), на пересечении дорог, ведущих в Чугучак (Таченг).¹

По сообщению Рамстедта, во время его посещения торгутов в 1905 году у Байир Ванга была жена тибетянка – дочь тибетского министра финансов [8]. Однако немецкий путешественник Герман Констен пишет, что мать Палты была китаянка, но при этом не упоминает об отце [9]. По всей вероятности, первая жена Байир Ванга была китаянкой, от которой в 1882 году родился Палта. Байир Вангу тогда было около 50 лет, и он еще правил своим аймаком [10].

Китайский ежегодник за 1913 год упоминает Палту как правящего князя и 1898 год указывает как год его вступления в правление аймаком [11]. Ему было всего 16 лет, и его отец – Байир Ванг – был еще жив. Однако указанная в китайском ежегоднике дата, по всей видимости, ошибочна.

Ко времени визита Рамстедта к Байир Вангу в 1905 году, Палта находился в ранге члена парламента Имперского маньчжурского двора в Пекине [12]. Рамстедт встретился с Палтой в Урумчи, по пути в Пекин. Именно во время этой встречи Палта поведал ученому, что не собирается надолго оставаться в Пекине и намеревается отправиться в Японию для обучения в военном учебном заведении либо в одном из университетов [13].

Год его прибытия в Японию точно не установлен. По утверждению Рамстедта, это было, скорее всего, в конце 1905 или 1906 года. Минджур Ванг в устной беседе заявил, что его отец выехал в Японию в 1906 или 1907 году. И хотя пребывание Палты в Японии подтверждается рядом источников, но точной даты его прибытия в страну и того, в каком из учебных заведений он получил образование, в них не обнаруживается. По словам Минджур Ванга, его отец

¹ Ценный дорожный дневник Рамстедта. Был опубликован на финском языке в 1946 году и переиздан в 1951 и 1953 гг. В 1978 г. Монгольское общество в США опубликовало английский перевод этой книги. Перевод со шведского языка был осуществлен Джоном Крюгером под названием «Семь путешествий на Восток. 1898 – 1912 гг.». Отчет Рамстедта – первое упоминание о Палте Ванге в европейских источниках.

в течение четырех лет находился в Токио и учился в военном заведении, по окончании которого получил соответствующее звание [14]. За время пребывания в Японии Палта Ванг в совершенстве овладел японским языком. Также сообщал он о том, что его отец много времени проводил в Пекине, где у него была своя резиденция [15].

Палта Ванг был женат, по крайней мере, дважды. Его первой женой была китаянка. Минджур Ванг в беседе не упомянул об этом, но указал, что родился в 1903 году, и признал, что его мать была первой женой Палты [16]. Его сестра, Нирджидма, по моим источникам, родилась в 1907 году. Именно Нирджидма в конце 1920-1930-х годов привлекла внимание прессы во время своего недолгого пребывания в Западной Европе, когда обучалась медицине в Бельгии [17]. Она посетила колонии калмыцких эмигрантов во Франции, Югославии и Чехословакии. В Европе был издан сборник торгутских песен, которые были записаны ею на родине [18].

Рамстедт утверждает, что Палта вернулся из Японии в 1911 году с женой японкой [19]. Минджур Ванг в беседе сообщал, что у него был младший брат, рожденный в год Тигра, т. е. в 1914 году, от второй жены отца. От нее же в 1913 году родилась дочь. Минджур Ванг тогда мимоходом упомянул о двух своих сестрах – Нирджидме и второй, имя которой неизвестно [20] и которая умерла в 17-летнем возрасте в Чугучаке, где они остановились по пути в Урумчи [21]. Старшая сестра Нирджидма, дочь Палты от первой жены, в это время находилась в доме отца.

Палта Ванг был одним из высокообразованных представителей торгутской правящей элиты того времени. Он получил образование в Японии, служил в Пекине, не раз бывал в России. Служил советником по монгольским делам при Маньчжурском императорском дворе. Документы того времени характеризуют его как убежденного прокитайца, а некоторые источники утверждают, что он был и прояпонцем [23]. Нет сомнения и в том, что Палта Ванг имел привилегированное положение при императорском дворе, а после 1911 года – и у вновь образованного республиканского режима [24].

1 декабря 1911 года во Внешней Монголии было провозглашено независимое монгольское государство. Вслед за этим начались интенсивные дипломатические переговоры между Китаем и Россией, которые завершились подписанием 23 октября 1913 года в Пе-

кине русско-китайской декларации о признании автономии Внешней Монголии. Именно в такой ситуации во второй половине или в конце 1911 года Президент Китайской республики Юань Шикай одновременно назначил Палту Ванга правителем Алтайского округа [25] и главнокомандующим Северо-Западного военного округа [26].

Краткое пребывание Палты Ванга на посту губернатора (1911 – 1913 гг.) по времени совпало с активизацией движения за независимость Внешней Монголии, осадой города Кобдо в 1912 году. Последний пал под натиском западно-монгольских войск, руководимых Дамби Джалсаном, больше известного под именем Джа-ламы. В конце лета 1912 года Палта Ванг передал тайное сообщение монголам, которые осадили Кобдо, о том, что несколько сотен китайских войск сняты с Шара-Сумэ и направлены в помощь гарнизону в Кобдо [27]. Это предупреждение, возможно, было вызвано мстью Палты за смерть своего младшего брата Темерджина, убитого Кобдоскими властями в начале того же года [28].

Во время событий 1911 – 1912 годов Палта Ванг, несмотря на неоднократное обращение к нему, отказался поддержать монголов в их борьбе за независимость от Китая. Если бы он принял сторону участников движения борьбы за независимость Монголии, то это стало бы серьезным ударом для Цинского двора. Во многом из-за его позиции монголы не сумели освободить Алтайский округ от китайских войск и присоединить его к Монголии. По неподтвержденным данным, Палта Ванг отправил письмо Далай-хану, самому влиятельному дербетскому князю в районе Кобдо, в котором уговаривал его убедить других правителей родов не присоединяться к движению за независимость Монголии, а оставаться верными Китаю, взамен на эту лояльность обещая сообщить об их преданности в Пекин [29]. Естественно, что его прокитайская ориентация вызвала сильную критику и всякого рода обвинения со стороны халха-монголов.¹

¹ Согласно архивным данным, наместник Сипыцзяна угрожал монголам и русским отправлением крупного контингента войск в Западную Монголию // Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 – 2 ноября 1913 гг.). – СПб., 1914. – С. 37.

17 января 1912 года в Пекине была проведена специально организованная встреча главных монгольских князей и маньчжурско-китайской знати, на которой присутствовал и Палта Ванг. Монгольские князья выразили свое недовольство по поводу желания молодого принца Пу И отречься от престола. Но маньчжурская династия была уже обречена. 3 февраля того же года Пу И официально отрекся от престола [30]. Антикитайское движение за независимость породило враждебность в отношениях знати Внешней и Внутренней Монголий [31]. В Пекине была основана прокитайская ассоциация монгольской знати, которая выработала документ об административном статусе Монголии [32].

Избранный 13 февраля 1912 года Президент Китая Юань Шикай внес изменения в отдельные параграфы данного документа и высказал критические замечания по этому вопросу, что заметно уменьшило национальный пыл монголов Китая. Состоял ли Палта Ванг членом этой ассоциации и принимал ли он непосредственное участие в разработке этого статуса – неизвестно. Однако его имя значится в депеше от 4 апреля 1913 года, посланной уполномоченным по делам в Пекине М.С. Щекиным русскому министру иностранных дел С.Д. Сазонову, в которой он сообщает о том, что высылает перевод (очевидно, с китайского на русский язык) монгольского статуса, полученного с помощью Палты [33].

Неопределенной остается позиция Палты и по отношению к России. Существует мнение, что Палта «научился питать сильное недоверие и нелюбовь к России», а отсюда, мол, и его твердая антироссийская позиция. Как бы правдоподобно не звучали эти утверждения, они не подтверждаются никакими особыми свидетельствами. Господин Коншин, который в 1914 году встречался с Палтой Вангом в Харбине, донес до нас довольно пикантную и запутанную историю о том, что русское правительство решило не давать своего согласия на выделение Палте пенсии в размере 10000 рублей в год. Якобы ее могли бы назначить ему в случае поддержки им независимости Монголии и присоединения Алтайского округа к новому Монгольскому государству. Остается загадкой, было ли действительным это намерение русского правительства, знал ли об этом Палта, была ли это его личная просьба, что видится маловероятным, исходя, главным образом, из его антироссийской и про-

китайской позиций, о чем свидетельствуют многие архивные документы.¹

В 1915 году Палта обращается с письмом к русскому императору Николаю II с просьбой о разрешении его сыну Минджур Вангу обучаться в военном пажеском корпусе в Санкт-Петербурге, в котором проходили обучение дети русских аристократов. Просьба его была удовлетворена. Минджур Ванг находился в России с 1915 по 1917 годы, но его обучение было прервано из-за событий, связанных с падением династии Романовых и последовавшей вслед за этим Октябрьской революции 1917 года. Минджур Ванг вернулся в Пекин в 1918 году [34].

Положение в Кобдо и Алтайском округе оставалось беспокойным из-за частых столкновений между монголами и китайцами. В связи с этим правительства Китая и России договорились прекратить военные действия в этом регионе. 21 декабря 1913 года Палта Ванг и русский консул М.Н. Кузьминский подписали временное соглашение о прекращении враждебных действий между Китаем и Монголией. Церемония подписания проходила в Шара-Сюме [35]. Это соглашение предусматривало установление демаркационной линии между грядами Алтайских гор, которые войска обеих сторон не имели права пересекать. Когда Палта Ванг подписывал соглашение от имени китайского правительства, он уже не был губернатором Алтайского округа. Незадолго до его подписания он оставил свой пост из-за ухудшения состояния здоровья, а подписывал соглашение по поручению китайского правительства, поскольку новый губернатор еще не был назначен [36].²

¹ Консул А. Успенский в своем донесении характеризует Палту Ванга следующими нелестными словами: «Не польза государства, на службе которой он находится, не симпатии к России или преданность республике, не благодарность к Юань Шикаю... и даже не честолюбие в широком смысле этого слова, а личная материальная выгода является основой деятельности князя Палта» // АВПР. – Ф. Китайский стол. – Д. 639. – Л. 45 об.

² Согласно русским архивным данным, Палта Ванг был отстранен от должности правителя округа в начале января 1914 г. и в сопровождении 30 китайских чиновников покинул Шара-Сумэ и выехал в Пекин. Вскоре после приезда в столицу он был обвинен в растрате казенных средств и арестован. – АВПР. – Ф. Китайский стол. – Д. 640. – Л. 4, 33.

Последнее упоминание о Палте Ванге в официальных документах датировано 1919 годом. В России в это время в разгаре была гражданская война. Антисоветское сопротивление в Сибири, возглавляемое Колчаком, терпело поражение. Японское правительство, стремившееся закрепить свое присутствие в этом регионе, продвигало идею создания всемонгольского государства с включением в его состав Внешней и Внутренней Монголий, а также район Кобдо и Урянхая.¹

В феврале 1919 года при содействии Японии была созвана конференция, на которой влиятельному хутухте из Внутренней Монголии Нэссе-гегену было поручено созвать Всемонгольскую конференцию. 25 февраля 1919 года в рамках ее подготовки состоялась встреча в городе Чите, а спустя три дня в Даурии² была проведена и сама конференция.

В середине февраля Нэссе-геген отправил в Пекин бурята Цудунова, переводчика Транс-Амурского военного округа, с поручением передать приглашение на конференцию Палте Вангу [37]. Есть сведения о том, что идея создания Монгольского государства импонировала Палте Вангу, тем не менее, он отказался от участия в Даурской конференции, передав, что присоединится к новому государству в том случае, если оно будет признано мирной конференцией в Версале. Одновременно он передал Нэссе-гегену доверенность на право высказываться от его имени [38].

В своем интервью ведущему русскому еженедельнику «Новое время» от 2 марта 1914 года, которое он дал в Харбе, Палта Ванг, полный генерал китайской армии, сказал, что находится в отпуске по болезни, что на лечение едет в Пекин и не планирует возвращаться в Шара-Сюме. Тогда же им было высказано мнение о будущем Монгольского государства: самостоятельное существование

¹ Согласно секретному соглашению подписанному между Россией и Японией 21 июля 1912 года, было предусмотрено такое разграничение сфер влияния: Японии – Во Внутренней Монголии, России – во Внешней Монголии // Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. – М.: Наука, 1987. – С. 151.

² Часть монгольских политических деятелей, в основном из числа духовенства, еще в 1911 – 1912 гг. проявляла симпатии к Японии, пытаясь с ее помощью добиться независимости и объединения Внешней и Внутренней Монголий // Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. – М.: Наука, 1987. – С. 156.

Монголии может быть успешным только в случае стабильности, ее зависимое буферное существование между двумя такими крупными державами, как Китай и Россия, может закончиться присоединением ее к одной из них в течение 50 – 100 лет из-за малочисленности монголов. [39]. Минджур Ванг, старший сын Палты Ванга, подтвердил прокитайскую политику своего отца, которую тот проводил в 1907 – 1919 годы, что объяснялось его зависимым положением, хотя он и сочувствовал стремлению монголов к независимости [40].

Палта Ванг умер от желудочной болезни в Пекине в возрасте 38 лет, т. е. в 1920 году. Минджур привез тело отца домой и похоронил его в фамильном склепе [41]. Так закончилась жизнь одного из замечательных представителей торгутской правящей знати, которому императорским двором Китая был дарован титул Князя 1-го ранга, т. е. Чин Ванга [42].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. H.S. Brunnert, V.V. Hagelstrom. *Prezent Day Political Organization of China*. Revised by N.Th. Kolessoff. Translated from the Russian by A. Beltchenko and E.E. Moran. Shanghai, 1911. – P. 449 – 450 (henceforth, Brunnert – Hagelstrom 1911); Владимирцов Б.Я. Объяснение к карте С.-З. Монголии, составленной монголами. – *Известия Русского географического общества*. – Вып. 47. – № 7 – 10. – 1911. – С. 491 – 494; Котвич В. Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. – СПб., 1914. – С. 26 – 27.
2. Brunnert-Hagelstrom 1911, pp. 450, 454; G.C. Binstead. *The Tribal and Administrative System of Mongolia*. – *Far Eastern Review* 10, № 1 (1913), 47 (henceforth, Binstead 1913); Котвич, 1914. – С. 27 – 28.
3. Морозов И.М. Алтайский округ в колониационном отношении. – *Полтава*, 1908. – С. 62; Котвич, 1914. – С. 27; Herman Consten. *Weideplätze der Mongolen im Reiche des Chalcha*. Band II. Berlin 1920, p. 235 (henceforth, Consten); *Die Internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus*. Dokumente aus den Archiven der Zarischen und der Provisorischen Regierung. Einzig berechtigte deutsche Ausgabe herausgegeben von Otto Hoetsch. Reihe I: *Das Jahr 1914 bis zum Kriegsausbruch*. 1. Band: 14. Januar bis 15. März 1914. Berlin 1931, p. 471 (henceforth, IBZI).
4. Brunnert-Hagelstrom 1911, pp. 449 – 450; Binstead 1913, 47; Котвич, 1914. – С. 27; Consten, vol. 2, p. 234.
5. Brunnert-Hagelstrom 1911, pp. 454; Котвич, 1914. – С. 28; Consten, vol. 2, p. 208; Gustav John Ramstedt. *Seven Journeys Eastward, 1898 – 1912: Among the Cheremis, Kalmyks, Mongols and in Turkestan and to Afganistan*. Translated from the Swedish

- edited by John R. Krueger (Publications of The Mongolia Society. Occasional Paper Number 9). Bloomington, Indiana 1978, pp. 152 – 153 (henceforth, Ramstedt 1978).
6. Коншин. Беседа с князем Палта. – Новое время. – № 13660. – 5 апреля 1914 г. (henceforth, Коншин); IBZI. Reihe I, 1. Band. Berlin 1931, p. 471; Jozef Šima. On the Character of the So-Called Pan-Mongol Movement After 1911, АО 42, № 2 (1974), 103 (henceforth, Жіма); Ramstedt 1978, p. 152.
 7. Ramstedt 1978, pp. 148 – 151, 153, 160, 161 (он также упоминает о Баир Ванге в своем известном *Kalmückische Wörterbuch*, Хельсинки, 1935, с. VI.). Пентти Аалто, студент, обучавшийся у Рамстедта, на дружбу, которая началась между Рамстедтом и Байиром в 1905 году, указывает в «*Ramstedt's mongolische Bibliothek*», JSFOu 57:4 (1953-1954).
 8. Ramstedt 1978, p. 153.
 9. Consten, vol. 1. Berlin 1919, p. 200.
 10. Ramstedt 1978, p. 149.
 11. *Mongolia // China Year Book 2.* (1913), p. 582. По всей вероятности автором этого эссе был англичанин G.C. Binstead, который писал весьма информативные сюжеты о Монголии в «*China Year Book*» (китайском ежегоднике).
 12. Ramstedt 1978, p. 149.
 13. Ramstedt 1978, p. 152.
 14. А. Chuets (А. В. Бурдуков). Независимая Монголия (Дела кобдоские. Палта Ванг). // *Сибирская жизнь*, 1912, № 175; В независимой Монголии. Кобдоский округ // *Сибирская жизнь*, 1912, № 198; G. C. Binstead. *Mongolia // China Year Book 3* (1914), с. 623; Consten, vol. 1, p. 200; Korostovetz. *Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik. Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der neuesten Zeit.* Berlin-Leipzig, 1926, p. 222; Šima 1974, 103.
 15. По мнению Минджур Ванга, старшего сына Палты, его отец каждые четыре года обязан был предпринимать долгие поездки в Пекин. В таких случаях он останавливался в своем собственном дворце, который был двухэтажным домом с более чем 30 комнатами и за которым следило большое количество обслуги.

16. Consten, vol. 2, p. 208; Korostovetz, 1926, p. 222 n.2; Robert A. Rupen. *Mongols of the Twentieth Century. Part 1. (Uralic and Altaic Studies, vol. 37, part 1).*
17. Frans August Larson. *Larson, Duke of Mongolia.* Boston, 1930, p. 34-35; Maynard Owen Williams. *From the Mediterranean to Yellow Sea by Motor: The Citroën-Haardt Expedition Successfully Completes Its Dramatic Journey.* *National Geographic Magazine*, № 5 (1932), с. 534-536, 577; см. черно-белое и цветное фото принцессы Нирджидмы на с. 518 и 569; Henning Haslung-Christensen. *Men and Gods in Mongolia (Zayagan).* Translated from Swedish by E. Sprigge and C. Napier. Foreword by Nirgidma of Torgut. New York, 1935, p. 253, 322-325.
18. *Dix-huit chants et poèmes mongols, recueillis par la Princesse Nirgidma de Torgut et transcripts par Madame Humbert-Sauvageot. Avec notations musicales, texte mongol, commentaries et traductions (Bibliothèque musicale du Musée Guimet, Ire série, tome 4).* Paris, 1937. 31+28 pp.
19. Ramstedt 1978, p. 153.
20. Cable 1935, p. 258. Она умерла 17 октября 1930 г. Есть сведения, что она умерла из-за менингита.
21. По всей видимости, ее имя было Сертцо (тиб. Гсер-мцо).
22. Cable 1935, p. 259.
23. Konshin 1914, 5. Он брал интервью у Палты 2 марта 1914 г. Автор утверждает, что принц Палта был прояпонцем, без всякого при этом пояснения своего заявления. Возможно, он пришел к такому заключению в ходе своего интервью. Сообщалось, что двух офицеров японской армии видели в резиденции Палты в Шара-Сюме.
24. Konshin 1914, 5.
25. См. п. 6.
26. Сведения Минджура Ванга содержатся в интервью 1973 г.
27. C. R Bawden. *The modern History of Mongolia.* New York: Frederick A. Praeger, 1968, p. 197; *A Contemporary Mongolian Account of the Period of Autonomy.* Translated by C. R. Bawden. *The Mongolia Society Bulletin* 9, No.1 (1970), 28 n.14.
28. C. R Bawden, 1968, p. 197; C. R Bawden, 1970, p. 16.

29. А. В. Бурдуков. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. – Москва, 1969, с. 377.
30. Sechin Jagchid. The Inner Mongolian Response to the Chinese Republic, 1911-1917 // Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies. Bellingham, WA: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979, p. 104.
31. G. C. Binstead. Mongolia // China Year Book (1914), p. 623; Rupen I, p. 75.
32. Konshin 1914, 5.
33. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства 1878 – 1917. – М.; Л., 1938. – С. 376 –377.
34. Личное интервью с Минджур Вангом в октябре 1973 года в Тайбэе.
35. Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. – Т. II. – Ленинград, 1926. – С. 745; G. M. Friters. Outer Mongolia and Its International Position. Baltimore: The John Hopkins Press, 1949, p. 106. Соглашение в Шара-сюме было заключено в декабре 1913, а не 1914 года, как сообщает автор.
36. MOEI. Series 3: 1914-1917. Vol. IV. Moscow-Leningrad, 1931. – p. 42; Rupen I, p. 75.
37. Konshin 1914, 5.
38. А. Ф. Сперанский. Материалы к истории интервенции. Роль Японии в «панмонгольском движении» // Новый Восток, 1922. – №2. – С. 593.
39. Konshin 1914, 5.
40. Личное интервью, октябрь 1973 г.
41. Личное интервью, октябрь 1973 г.
42. Монголия // China Year Book 2. (1913), p. 582.

1. Pour le voyageur

Сээр харга сүдргэ

Andantino

Музыкальный фрагмент в тональности G-бемоль мажор, метр 3/4. Темп Andantino. Музыка записана на одной системе с четырьмя строками нот. Под каждой строкой — текст на монгольском языке.

Се-е-ре хар ха - - - ан сү дүр тэлэ би-лэ -
ни Се-гү өн-дөр - - - лу-су-луц та - би-лэ - ни
Се-рүн хо-ло - - - ну-туг-та ла би - лэ - ви
О-да-ла на-ма-ха - ан би-чи-кө мар-ти-та

2. NOSTALGIE

Хадта сөмр уул

Moderato

Музыкальный фрагмент в тональности G-бемоль мажор, метр 3/4. Темп Moderato. Музыка записана на одной системе с четырьмя строками нот. Под каждой строкой — текст на монгольском языке.

Ха-да - та Сө - мөр уу - ли-ни дее - ре - ни
ау-рү - - вэ Хар-ца-хин жул-жу - худ шаг-шаад бээ -
дэг Ха - вар - нам-ри-не хо - йор - цаг-тэ дүүр - ве
дүү-ри - ве Хээр-хиш сэд-кел дог-дэ-лон бэ-э - дэг

3. TOURI BENDI

Тур Бандь

Andante

Күн - дэ - - - мөң - гөн ху - дур - һнь _____ Көр - кө
 күрч - гин _____ та - ша - да - ни Күм - ни - ла - һан - ца - хан
 Тур - бан - динь - - - Кү - рэд ир - хе _____ бол - во - ла - а.

4. SINDIRYA

Синдрийа

Син - ди - рийа - һин а - ра - шан - да а жи - ир - һал
 тө тө - рөг - сөн Хан та - р - ма _____ көй э За - ма - ран
 йо - о - вхо ца - ги - нь күр - хе - лэ э ээ Хан - тар - ма _____
 — э За - я ни за - лу - чи - ни шор - до - хо - да яһа - до - ви,
 За - я - ни за - лу - чи - ни шор - до - хо - да яһа - до - ви

5. AVEZ - VOUS VU?

Хааран одв гихв

3

Andante

Ун-гси мөрнь... хур-дум би... За-лу би-йнь - сөө-хм би,

Эвр-э һан-дахан ча-ма-һан... Хааран од-ва... ги-хэ-ви

6. GAVELMA

Каблма бүскө

Moderato

Һо-ни-д ги-дг-но-һан... һанц-һанцар ур-һа-на...

Һо-лин а-мараг-Кабал-ма бүс-кө, Ончи-та һанцарн са-һаг-дан-аа...

7. SOUVENIR (CHANT D'AMOUR)

Зүүһэд кесн зүүвчичи

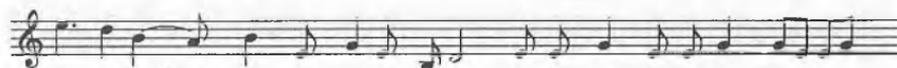
Andantino

Зүү-һө-де кә-е-сн зүүвчи-и-чи Зүн... та-ша-

дан хав-чу-ул-ла-ви Зүч-лө-дә кә-лөг-сен ү-гә-э чин, Зүр-кә-нә-

ни э-кән дэ-ень хад-һал-ла-ви На-ад-лад кә-лөг-сен... ү-ги-

чин, Я-мар... На-са-ан дан... мар-та-а... ху-ви.

8. LA MONTAGNE LA PLUS HAUTE

Үүрвжидма

Moderato

Уу - ли - нь өндр бол - ва - чи - гн О - ра - ха - рн
за - ма - аг - та У - чи - ра - де эс суу - ва - ав - чи - гн
Ур - та заң - нар өң - гөр - ий Ү - үрв - жи - ид - ма - а - а

9. L'OULIASTAI

Уластахи хол

Moderato

У - лас - та - хен хо - ли - иг я - һа - же туу - рил - да хо - ви - ии
У - ур ди - ин тө - виг - са - ан йо - рал - а - с я - һа - жи - ла да - ав - хе - ем - бе
Хар - ца - та - хан хо - ли - ге я - һа - жи - и туу - рл - да хо - ви - ии
Ам - раг - ги - ин ке - лег - сен ү - ү - ги - гэ я - һа - жи - ла мар - та - ха - ам - бэ

10. LA MAIN AUX YEUX
САМЙАР НОЙН

5

Allegretto

Ба - рун хөөт - нө - се ү - ү - лөн һа - ар - вэ - ла мон - да Ба - сэ -
бо - ра - ан ор - хой ю - ман - дэ кой, Ба - рун ха - рэ нү - дэ ми - ни
бөн бөн та - тав - та Баа - хан Сам - йар но - йон ир - хэ ю - мэн - дэ кой
Са - да - ран са - да - ран то - о - сэн һа - ар - вэ - ла Са - а - рл
ме - ре - нэ то - о - сэн мөн шу - дэ кой Са - рэв - чи - лэн са - рэв - чи - лэн
Хэр - хэ - лэ Сэ - э - нэ Сам - йар но - йон мө - өн шу - дэ кой.

11. COMPLAINTE DES OIES SAUVAGES
(Bergeuse)

БАНЦАРН ХОЦРЛАВ

Andantino

Зу - ун ну - те - га - сэ - йи - сү - лин һар - ла - видн һар - ла - видн,
Йи - сен шо - ву - на - сэ һан - ца - рн хо - цор - ла - вэ хо - цор - ла - вэ
На - чин шоң - хр а - ха ми - ни на - ма - һан ав - ри - та ав - ри - та

12. CHANSON A VOIRE
Делсж бәэх деевриг

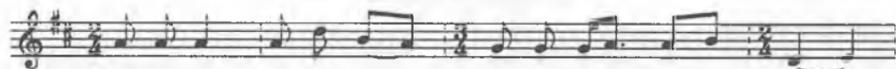
Дел - се - же бә - өх де - ев - ри - гә Де - есн ар - нам жар -
да - ру - улна Дел - се - же бә - өх сед - ке - ли - гә а - а - а -
Дең - гин ө - өр - кө - өр да - ру - улна һул - зе һул - зе һу - ыр - ви - гә
һу - ыр - вән диң - жар да - а - ру - ул - на һу - йир - же бә - өх
седкли - и - гә а - а - а һун - дун э - зө - өр да - ру - ул на.

13. SHASTAR
Шастр

Ну - у - ри - ин дун - дэ - э - ни - и - и Нуһ - са - ан - ни - и
чи - мэг Ну - те - е - ги - ин дун - дэ - э - ни - и
но - ой - ду - у - ди - - - инь ма - а - ань.

14. GALDANMA
Галдма

7

У - су - на э - кен - дэ - э Хон - хол - зу - ур у - я - та - а

У - лу - си - ин дун - да - ни - и Һал - дэ - ма - а Һан - ца - ран

ху - ул - ин шилви - гэ - э ху - нар - тал ха - ар - ва - дэ - эг Ху - йаг - та

за - лу - гэ - э ив - төр - тэ - эл хар - ва - да - аг Һал - да - ма - а ми - ни

15. DAMBI JALTSAN
(Chant épique moderne)

Дамби Жалцн

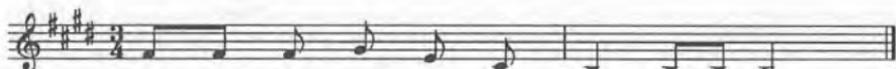
Moderato

У - над и - ир - сен мө - ри - нь Ун - Һан цэ - өв - дө - өр мө - ре - ни

мөн бэ - нэ кой У - уч - ра - ад и - ир - сен за - лу - хи - ин а - су - х - ла

Эр - кем Дам - би Жал - цан мөн бэ - нэ кой

16. BASRACADI INCARNÉ
Базрасадин хувалһн

Tres modere

Саа-дэг ги-чин хө - лө-хө - лө сөө-хөн за-лу - гил-це - нө

Шаң-хаг ги-чн хө - лө-хө - лө сөө-хөн күү - ке-ен гил-це - нө

Бө-чр бө-чр бо - ра-та бө - ке - е чо-луун зүр - ке - тө

Кен ги-хэ күм - - - би Баз-ра-са-динн хү - ве-ел-хан

17. DURUNG BELEC

Дүүрң белгин адунд

Tres modere

Дүү-рөң бөл-гин а - дун-дэ Де-чин шар-һэ у - йу-лад

Дүң-хр и-ке хо-тон-дэ Күм-ни күм-сэ ди-гү-ле-лөв А - ав а-ав а-мар-хан

Ам-раг-ду минь ха-ша-би? Ээ-же ээ-же а-мар-хэн-бу Эр-жем ду минь ха-ша-би?

Жаңырын магтал

Moderato

Бум - бэ да - лан кө - вә - дө - ни Бур - ха -

на һан бәә-һү - ләд Бум-бэ - но - йон Жаңгар - инь

Бу - у-ум кү - цә-өд нә - рил - нә пай - пай пай - пай.

Дө - чи-ин дө-өр-вө-ен те - рем - тө Дөр-вөн миң - һө-ен

у - ни - та - Дүң - ги-ин ца - һан ө-өр-гө - ни

Ду - у-на һә - зәр-тө дүн - гө - нә пай пай пай - пай.

Б. Бичеев,
доктор философских наук

СИЯЮЩАЯ ЛУНА И НЕСОКРУШИМЫЙ БОГДО-УУЛ

Издание, подготовленное с целью ознакомления читателей с устным наследием синьцзянских торгутов, с жизнью и деятельностью княжны Нирджидмы и ее отца торгутского нойона Палты Ванга, не смотря на свой небольшой объем выходит далеко за рамки обозначенной цели. Дело в том, что Палта Ванг и его дочь княжна Нирджидма – представители древних правящих торгутских фамилий. Они представители национальной элиты общества, в котором неоспоримое значение имел институт власти вообще, а верховной – в особенности. Почтение к представителям элиты общества являлось фундаментом должного порядка. По сути, проблема их харизматичности связана с проблемой конструирования символического миропорядка и верой в древнейшее представление об их «небесном» происхождении. Особо ценным следует признать существование в культуре народа идеальной личности, являвшейся образцом для подражания и образом подлинно разумного, мудрого человека, обладающего обобщенными знаниями существенного в жизни. Наличие мудрых предводителей в государстве, которые знали не только искусство политики, но и умели преобразовать невысказанные склонности народа в устойчивые общественные институты – реальность калмыцкой этнической истории.

Нойон Палта как прямой потомок древней правящей фамилии являлся для своих поданных живым свидетельством их «реальной»

независимости. Н. Рерих, во время своего путешествия по Китаю, Монголии и Тибету в начале 1900-х гг., отмечает факт того, что «до сих пор» калмыки считают себя независимыми и добавляет, что конечно, эта «независимость калмыков является только кажущейся для них самих». О чем же свидетельствуют эти наблюдения? Конечно же, о глубине исторической памяти народа. Память о прошлом – одна из важнейших составляющих этнического сознания калмыцкого этноса. Сознание этноса, по устоявшемуся мнению, включает две взаимосвязанные составляющие: теоретический уровень и уровень обыденного сознания. Теоретический уровень включает в себя идеологию, то есть обобщенные взгляды этноса на жизнь и общество. Обыденное сознание – есть непосредственная реакция людей на воздействия объективной реальности. Наблюдение известного исследователя Центральной Азии свидетельствует о том, что характерной чертой этнического сознания калмыков является вектор национальной идеи, ориентированный на актуализацию позитивов исторического прошлого этноса, которое воспринимается как образ «идеального будущего».

Самосознание народа, прежде всего, связано с потребностью в этнической целостности. Индивидуальное выживание мыслится только в рамках исторической непрерывности биологического существования своего этноса. Память о былом величии Джунгарии имеет явную цель возрождения, возврата к былому совершенству. Идеал этот заключается в усвоении и приложении прежней мудрости и прежней добродетели. Именно об этом пишет в своем историческом сочинении калмыцкий летописец Габан Шараб. Образно говоря, каждая строка его летописи наполнена этническим императивом. Главная тема произведения – осознание ответственности каждого представителя правящей элиты перед народом, т.е. ответственность как необходимый атрибут, как неотъемлемый фактор сознания. Личности влияют на ход исторических событий и на само этническое общество, но это происходит лишь потому, что они становятся своего рода воплощением некоторой всеобщей национальной воли. Габан Шараб не скрывает, что хочет видеть ойратских нойонов – «светлой луной, а их подданных – в количестве звезд на небе, живущих в спокойствии и благоденствии». Основную идею своего сочинения вкладывает в предсмертные слова народного ге-

роя Сайн-Ка: «Если не было у меня другой мысли, кроме благоденствия ойратов, то ты, Богдо-уул, разрушься!» Сакральная гора Богдо-уул – это символический образ Джунгарии, шире – ойратского этнокультурного универсума.

Образцы песенного творчества, представленные в книге княжны Нирджидмы, отражают национальный образ мира, склад мышления народа, его идеалы, закрепленные в художественной словесности народа. Среди разножанровых образцов песенного творчества особо выделяются песни эпического содержания. Попытка изложить содержание своих действий с помощью эпического слова – есть показатель высшего уровня рефлексивной способности этноса. Эпос – это сведение множества в цельное повествование, объединенное общей идеей. Этничность, отраженная в таких образцах духовной культуры представляет собой универсальный вектор этнической идеи, демонстрирующий неразрывность со своим историческим прошлым. Исходя из этого, Джангар – в высшем смысле не образ идеального правителя, а олицетворение высшей идеи. И клятва богатырей – это обет приверженности всеобщей идее этнического единства, идее ойратского этноцентризма. Этнос становится государственным в том случае, если он является носителем национально гомогенного охватывающего его целиком государства. Когда такой идеал воплощается в систему поэтического воплощения, как это было в «Джангаре», то образы героического эпоса в свою очередь начинают существенно влиять на культуру в целом и лично каждого члена этнического общества. Через произведения эпического характера в сознании этноса закрепляются этнические установки, представляющие собой готовность индивидов воспринимать явления национальной жизни и межэтнических отношений в качестве эталона и действовать в конкретной ситуации соответственно этому восприятию.

Конкретное содержание песенных образцов демонстрирует, что в пространственно-временном аспекте для члена этнического общества окружающий мир – это, прежде всего, идеальный ареал обитания, родная «земля-вода» («hazr-usun») под названием Алтай, а в более узком смысле – место, где человек «выпал из золотого чрева» матери («unsn hazr-usun»). Этот мир обладает благоприятными условиями для этноса, а в идеале он предстает страной обе-

тованной. В социальном плане общество состоит из вертикали, состоящей в основном из полноценных мужчин и женщин, реализующих свое природное и общественное предназначение в семейной и общеэтнической деятельности. Они имели все атрибуты общественной состоятельности: родственников и как следствие этого – социальный престиж и поддержку; здоровье, а значит и здоровых детей; хозяйство, т.е. жилище, имущество и скот.

В социальной иерархии кочевого общества мужчина мыслился как носитель родового имени и продолжатель рода. Поэтому взаимоотношения в семье строились на почитании отца, мужа, старшего брата, сына. Для семьи, в особенности для жены или матери, сохранение жизни мужа или сына было главным в критической ситуации. Только уяснив эту этнокультурную черту, можно правильно понять «темные» места в ряде произведений монгольской словесности. Известный эпизод из «Сокровенного сказания» повествует о том, что застигнутые врасплох внезапным нападением врагов Темуджин с братьями, спасаясь, сели на коней и умчались. Бортэ, жена Темуджина, которой не досталась лошадь, оказалась захваченной меркитами. Составители памятника даже не пытаются «оправдать» действия Темуджина, поскольку он поступил так, как и полагалось. Каждая женщина прекрасно понимала это, так как была воспитана в такой традиции. Другой пример на эту же тему связан с историей замужества матери Чингисхана – Оэлун. Она, спасая жизнь своего жениха Чиледу, говорит ему: «По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив-здоров, девушки же в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся».

Образ княгини Нирджидмы вызывает ассоциации с образом высоко нравственных женщин, независимо от их социального статуса, которые выделяет анонимный автор сочинения «История Усень Дебескертү-хана»: величава, как пава; немногословна и кротка, как агнец; трудолюбива и аккуратна, как мышка; чиста, как рыбка, предана супругу, как верблюдица. В этих наставлениях полностью отсутствуют какие-либо религиозные требования к женщинам, но вместе с тем именно эти качества подспудно являются определяющими ее как истинно верующего человека. Из четырех признаков, способствующих достижению семейного счастья, три связаны с

традицией почитания мужа как Тенгри-отца; как родного отца и брата; быть мужу рабыней. Женщина, обладавшая такими качествами и сумевшая родить сына, удостаивалась особого к себе отношения и почета. Во время женитьбы сына ей с почетом подносили особое ритуальное одеяние и произносили благопожелания в честь «золотого чрева», давшего жизнь мужчине – продолжателю рода. Отражение этих древнейших представлений сохранились в современном калмыцком свадебном обряде. Сторона невесты в обязательном порядке подносит в дар матери жениха белые шаровары, на которых кусочками черной шерсти обозначена «модель с черными волосами». Мать жениха в этих шароварах исполняет ритуальный танец.

В этом же произведении регламентируется «модель поведения» истинного мирянина-буддиста. Мирянин-буддист – это, прежде всего, обычный член общества, который деяниями тела, речи и ума стремится к накоплению благих заслуг. Он отрекается от бесполезной привязанности к сансаре и счастлив семейной жизнью. Доброжелательность, правдивость в речи, нравственность, верность супружескому долгу, готовность защитить себя и близких, приверженность к буддийскому учению, почитание родителей и наставника, практика подаяния, умение воздать должное равному – вот признаки, присущие нравственному человеку. Личность, сформировавшая целостное представление обо всей системе норм и требований, постигшая качественную разницу между различными типами деяний и глубоко проникшаяся высшей целью, оказывается способной твердо следовать этим нормам даже в критических обстоятельствах.

Таким образом, основу этничности калмыков во все времена составляло присущее им общее мировоззрение и историческая традиция. Внутренняя сплоченность народа заключалась в общности религиозного и политического идеала. Наличие таких феноменов этничности позволили калмыкам сохранить себя как этническую целостность. Этнос движется от одной исторической точки к другой и меняется на этом историческом пути благодаря сохранности ядра этничности, вокруг которого кристаллизуются его новые ценностные ориентиры. Реальность же состоит в том, что этнические константы неизменно воспроизводятся через традиции и истори-

ческую память, передаваемые из поколения в поколение. Свидетельством чего является и эта небольшая по своему объему книга, повествующая о представителях национальной элиты прошлого века — нойоне Палта и его дочери Нирджидмы, имена и деяния которых живы в памяти благодарных потомков.

ФОТОАРХИВ

Нирджидма в Париже.
1933 г.
(фото взято из журнала
«Ковыльные волны»,
1933 г., №7).

Фото из архива
профессора
А. Борманджинова

Принцесса Нирджидма перед буддийским храмом
в г. Белграде
(фото взято из книги Т. Миленковича «Калмыки в Сербии.
1920 - 1944 гг.»)

Минджур Ванг (брат Нирджидмы) с сыном.
г. Тайпей. 1970 г.

Нирджидма в юности.

Дэва Нимбо (племянница Нирджидмы)
в гостях у Л. Далантиновой.
г. Филадельфия.

Натали де Торгут (внучка Нирджидмы)
в гостях редакции «Хальмг үнн»

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
<i>П. Алексеева. Принцесса Нирджидма</i> и книга песен торгутов Китая	5
Песни синьцзянских торгутов POUR LE VOJAGEUR	21
NOSTALGIE	22
TOURI BENDI	23
SINDIRYA... ..	24
AVES-VOUS VU?	25
GAVELMA	26
SOUVENIR (CHANT D'AMOUR)	27
LA MONTAGNA LA PLUS HAUTE	28
L'OULIASTAI	29
LA MAIN AUX YEUX	30
COMPAINTE DES OIES SAUVAGES BERGEUSE	31
CHANSON A BOIRE	32
SHASTAR	33
GALDAMA	34
DAMBI JALTSAN (CHANT <i>EPIQUE MODERNE</i>).....	35
BASRAZADI INCARNÉ (<i>THEME DE BALLADE</i>).....	36
DURUNG BELEC	37
LA LÉGENDE DE JEHANGAR <i>CHANTS ÉPIQUE</i>	38
Принцесса Нирджидма Торгутская. О современном положении торгутов Китая	39
Постановление Президиума «Хальмг Таңчин Туг» по случаю приезда калмыцкой принцессы Нирджидмы	43
Ш. Балинов. Нойн күүкн Нирджидмэ	44
С. Аршинов. Нойн күүкн Нирждимэн нернд	45
У. Алексеев. Нирджидме	47
А. Борманджинов. Принц Палта	48
Ноты песен Сер харһа сүүдртэ	64
Хадга сөмр уул	64
Тур Банд Синдрийа	65

Хааран одв гихв	66
Каблма бүскэ	66
Зүүхэд кесн зүүвчичн	66
Үүрвжидма	67
Уластахн хол	67
Самйар нойн	68
Үанцарн хоцрлав	68
Делсж бээх деевриг	69
Шастр	69
Үалдма	70
Дамби Жалцн	70
Базрсадин хувлһн	71
Дүүрн белгин адунд	71
Жаңһрин магтал	72
<i>Б. Бичеев. Сияющая луна и несокрушимый Богдо-уул</i>	73

Научно-популярное издание

Автор-составитель *П. Э. Алексеева*

**ПРИНЦЕССА НИРДЖИДМА
И КНИГА ПЕСЕН ТОРГУТОВ КИТАЯ**

Редактор *Т. А. Михалева*

Тех. редактор *Э. Убушаева*

Корректоры *Н. Меклеева, Л. Татнинова*

Компьютерная верстка *В. Манджиева*

Дизайн обл. *С. Бадендаев*

Подписано в печать 19.01.2009.

Формат 60x84/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,11. Тираж 500 экз.

Заказ 38-09.

ЗАОр «НПП «Джангар», 358000, Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Ленина, 245